

ЛЕОНИД РЕЗНИКОВ

ЗАВЕЩАНИЕ
КОРОЛЯ
ВЕЛЬТА

16+

Леонид Резников

Завещание Короля Вельта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54132833

SelfPub; 2023

Аннотация

Что могут совершить четверо абсолютно непохожих друг на друга людей, вырванных из своих узких мирков и по воле злого рока заброшенных в далекое прошлое? На самом деле, очень многое! Например: сплотиться в дружную команду, пройти испытание самим Временем, вынести все тяготы опасного приключения и вызволить из беды принцессу звездного королевства будущего. И еще самую малость – избавить это самое королевство от коварного молодого выскочки, завладевшего тронном и решившего удержаться на нем всеми правдами и неправдами...

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	15
3	23
4	34
Глава 2	42
1	42
2	53
3	60
4	70
Глава 3	77
1	77
5 (Начало)	87
2	92
5 (Продолжение)	99
3	106
5 (Продолжение)	110
4	119
5 (Окончание)	128
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Леонид Резников

Завещание Короля Вельта

Глава 1

1

В тронном зале дворца Королевства Соединенных Звездных Систем царил непривычный полумрак. Присутствующие ощущали тоскливую подавленность, растерянность и некую безысходность. Ими, казалось, был пропитан сам воздух.

В высокие узкие окна вливался оранжевый сумрак вечерней зари, рассеянной легкими ватными облаками, но свет в зале пока не зажигали. Никто не решался нарушить печальную торжественность момента. По залу волнами разливалась приглушенная грустная мелодия. Окна были распахнуты. Черные траурные полотнища, развешанные меж окон во всю высоту стен огромного зала, колыхал слабый бриз. Шумел океан, накатывая на скалистый берег свои тяжелые волны...

Торжественное погребение Короля Вельта завершилось час назад, однако к столам, уставленным изысканными яст-

вами, никто к ним не приближался, хотя многие вождеденно косились на еду и вино. Обед последует лишь после официального завершения траурной церемонии – оглашения Королевского завещания. Его с нетерпением вот уже битый час ожидали все присутствующие в зале – от лакеев и гвардейцев Короля, застывших в напряженных позах вдоль стен, до министров, советников и важных гостей. Коротая время, люди сбивались в кучки и что-то негромко обсуждали. Собравшиеся не понимали причины задержки, но спросить никто не решался. Все ждали. От неясной неопределенности рождались слухи и сиюминутные домыслы, что так же внезапно рассыпались в прах. Никто ничего не знал толком.

Два пустых трона на возвышении действовали на всех удручающе. Многим казалось, вот-вот распахнуться боковые двери, и Король, неспешно прошествовав к возвышению, займет свое место на троне. Это происходило ежедневно, много лет, десятки лет подряд, что вселяло в приближенных Короля и его вассалов уверенность в сегодня и завтра. Пустой трон Королевы за семь лет, прошедших с ее кончины, давно для всех стал лишь привычным атрибутом королевской власти. Но два пустых трона!..

В двух креслах, установленных у подножия трона, восседали принц Корх и принцесса Сельвина. Тревогу у приближенных вызывал первый.

Принц Корх был молод, двадцати лет от роду, спесив, не особо умен, но хитер и страдал излишним самомнением.

Всех несогласных с его мнением относил к врагам, приближая к себе лишь подхалимов и согласных молчунов. Во дворце таких хватало с избытком.

Принц был одет в синие лосины с золотой вышивкой и белую свободную рубашу с жабо, что являлось прямым нарушением этикета – траурными цветами считались черный, красный и серый. К тому же, наплевав на приличия, принц полулежал в кресле – просто неслыханное неуважение к почившему монарху! Но... Принц мог стать новым Королем, и тогда никому из «умников» не поздоровилось бы, а потому придворные и вассалы разумно помалкивали.

Принцесса Сельвина была старше брата на шесть лет и полная его противоположность – добрая, отзывчивая, вдумчивая. Но мало кто надеялся на то, что трон достанется ей. Женщина не могла править, если был иной претендент на трон мужского пола.

Принцесса, одетая в роскошное пышное платье стального цвета, сидела в кресле, как и подобает человеку ее положения: спина прямая, подбородок едва заметно опущен, руки спокойно лежат на подлокотниках, а ноги, хоть их и не видно под длинным подолом платья, касаются друг друга коленями и ступнями. Спина у Сельвины от долгого напряжения уже ныла, но девушка стойко продолжала сносить тяготы этикета.

– Не понимаю, почему так долго? – спросила она, чуть приоткрыв губы и не поворачивая головы.

– Терпение, сестренка, – ответил Корх и зевнул, прикрыв рот тыльной стороной ладони. – Отец даже после смерти умудряется все затянуть.

– Как тебе не стыдно так говорить! – в сердцах бросила Сельвина.

Корх только поморщился. Не зная, чем себя занять, он стал разглядывать отполированные до блеска ногти на пальцах левой руки.

– К тому же ты мог бы сегодня не напиваться. От тебя разит, как от винной бочки.

– Это чем-то помешает папочке?

– Какой ты... – Сельвина не нашла слов, чтобы выразить охватившее ее негодование. – Неужели тебе ни капли не жаль его? Он ведь тебя любил!

– Дорогая сестренка, он меня терпеть не мог. И я его – тоже.

– Ты ошибаешься, отец всего лишь хотел сделать из тебя человека.

Сельвина едва заметно пошевелилась в попытке расслабить мышцы спины.

– Спинка болит? – язвительно поинтересовался Корх.

Сельвина проигнорировала вопрос. Связываться с братом в такой момент не хотелось.

– Ну почему же так долго?

– Какие-нибудь технические накладки, – неопределенно пожал плечами Корх и вдруг выпрямился в кресле, весь по-

добрившись.

Огромные резные боковые двери, выделанные под темное дерево, бесшумно распахнулись. В них показался Первый советник.

Дворецкий в темно-сером костюме, стоявший по правую сторону от пустующего трона, сделал два шага вперед.

– Прошу внимания!

Присутствующие замерли, обернувшись к трону. В зале повисла тишина.

– Первый советник, граф Виннель Годма!

Первый советник проследовал к подножию трона. Его шаги гулким эхо разносились по тронному залу. Годма был стар, но, несмотря на возраст, его лицо, покрытое сетью морщин, излучало решимость и твердость, а шаги были легкими и четкими.

Сельвина и Корх поднялись советнику навстречу.

Годма остановился перед тронном и поклонился Сельвине и Корху. Сельвина чуть склонила голову, как того требовал этикет. Корх проигнорировал приветствие. Первый советник, никак не отреагировав на подобное неуважение, повернулся в сторону присутствующих в зале.

– Оглашается завещание Его Величества Короля Вельта! – зычным басом пророкотал Годма и вынул из небольшого конверта прямоугольную пластину кварца с черной полоской вдоль одной из граней. Развернувшись, Годма неторопливо поднялся по ступенькам к трону, около которого рас-

полагался пульт рабочей королевской консоли, и вставил в него пластину.

Пластина, помедлив, исчезла в пазу.

– Сейчас опять придется слушать отцовскую стихотворную бредятину! – тихо произнес Корх, кривя лицо.

– Возьмем, наконец, уважение к отцу! – прорычала сквозь зубы Сельвина.

Над тронем возникла голограмма головы Короля. Несколько одутловатое лицо, полные губы, острый нос, пристальный взгляд зеленых глаз из-под густых бровей, устремленный вдаль. Седые, чуть выющиеся волосы тщательно уложены на прямой пробор.

У Сельвины защемило сердце.

– Первое, что я сделаю, когда стану Королем, – продолжал заводиться Корх, разглядывая неподвижную голограмму, – отменю идиотский обычай писать официальные документы в стихах.

– Можно просто писать прозой. Тем более, когда к стихотворству нет ни малейшего таланта. Да ты и писать-то толком не выучился за столько лет, – поддела брата Сельвина.

Корх позеленел от злости, но огрызнуться не успел. Голограмма приоткрыла губы. Аппаратура закончила синхронизацию текста с изображением, а синтезатор речи готов был озвучить текст с необходимым тембром и интонациями. В зале зазвучал знакомый всем приятный, мягкий баритон Короля:

«Пусть телом немощен и час тот недалек,
Когда сей мир меня отторгнет
Велением Судьбы. И выйдет срок
Мучительной болезни. Вспомнит,
Деяния мои, быть может, кто-нибудь:
Добро – добром помянет, зло – забудет,
Простит. На то надежда щемит грудь.
Пусть милость Высшего с живыми да прибудет!
И в час последний свой с Его соизволенья
Свое вам указую повеленье:
Я детям завещаю чтить Закон.
И пусть главенствует над вами он
Живым во благо, в память наших предков!
И да не снять вам никогда его оков!
Мой младший сын, тебе вверяю трон.
Забыв тщеславие, гордыню, правь достойно.
Доверия ты не придай невольню.
Я повторюсь: всех выше нас Закон!
И, чтя его, тебе дарую власть.
Познай же горечь всю ее и сладсть.
Но помнить ежечасно должен ты
Про право старшенства твоей сестры.
Сельвине трон освободить тебе придется
Лишь мужа обретет она. Тогда
Народом править будет он. К тебе вернутся

И трон, и власть с кончиною его, спустя года.

Сельвине выбора я не диктую –

Принцесса рассудительна, умна, –

Но в выборе своем должна

Учесть напутствия мои. Я указую –

Высший мне простит! –

Немного тех нехитрых правил,

Что ниже чуть я ей оставил,

Которых ей держаться надлежит.

Жених быть должен в сил расцвете

И за свои поступки быть в ответе

И перед всеми, и перед собой –

Тебе потребен лишь такой.

Пусть не напорист будет, не спесив,

И обаятелен, хоть пусть и некрасив –

Тебе придется он по нраву

Когда стяжать не будет славу.

Пусть телом будет он подвижен,

Силен пусть будет он и скор,

А не болезнью обездвижен,

Что жизни вечный приговор.

И то значение имеет:

Любовь ничто – и в этом суть!

Незрячий больше не прозреет,

Недвижный не сберется в путь!

Силен в искусстве слова, танце

Он должен быть, чтоб нравиться тебе,
Коль будет пусто в голове,
То вечным будет он паяцем.
Начитан должен быть и гениален,
Пресыщен знаниями и гордостью за них:
Не должен быть он тривиален –
В том нет сомнений никаких.
Все – пыль и прах. Любовь – она
Главенствует над этим миром.
Ты полюбить его должна
И в этом истина, Сельвина!
Но мало лишь твоей любви.
Своим его ты назови,
Когда взаимностью ответит.
И будешь ты счастливейшей на свете.
И лишь тогда на трон взойдешь,
Как счастье в муже обретешь!
Вот мой наказ вам, сын и дочь.
Исполните его точь-в-точь!
И помните, что вы едины,
Как два мазка одной картины».

Голос Короля смолк. Изображение еще некоторое время пребывало над тронном, потом медленно растворилось в воздухе. Консоль щелкнула, из щели показался краешек кварцевой пластины с черной полоской.

Первый Советник осторожно извлек пластину и воздел ее над головой:

– Такова воля Его Величества, покойного Короля Вельта!

Годма опустил руку, сунул непослушными от волнения пальцами пластину обратно в конверт и неспешно спустился с возвышения.

– Вот так! – довольно хмыкнул Корх, гордо вскинул подбородок и надменным взглядом обвел собравшихся в зале.

– Поздравляю, брат, – нехотя произнесла Сельвина и через силу добавила: – Теперь вы – Король.

Девушка присела в реверансе, вновь выпрямилась и стремительно, шурша подолом платья, покинула зал.

Корх приблизился к Годме и панибратски хлопнул старика по плечу.

– Благодарю вас, Первый советник! Сегодня вы принесли хорошую весть.

– Рад услужить Вашему Высочеству, – холодно отозвался Годма. – Извините, мне нужно идти.

– Да-да, разумеется. На какой день назначена коронация?

– Согласно Свода Правил, на третий день. Вы знаете это не хуже меня, принц. Прошу меня простить, мне необходимо отдать ряд распоряжений.

Годма поклонился и, чуть сутулясь, скрылся в боковом проходе.

В тронном зале все нарастал шум. Некоторые устремились к накрытым столам, где при их приближении оживились

угодливые лакеи. Другие, осознав спустя лишь время содержание завещания, бурно обсуждали сказанное Королем – кто хмуро, а кто и с изрядной долей презрения взирая на принца Корха. Третьи же – бездарности и прихлебатели – спешили, толкаясь, первыми засвидетельствовать почтение новому Королю.

Корх с величественной миной благосклонно принимал расточаемые лесть и расшаркивания, перекатывая во рту, словно медово-мятные конфеты, всего два слова: «Я Король! Я... Король...»

Сельвина не помнила, как оказалась в своих покоях. Обливаясь слезами, она упала на кровать и долго плакала. В ее голове, не переставая, крутились слова отца. Цепкая, тренированная память девушки раз за разом воспроизводила завещание строку за строкой. И чем больше Сельвина вдумывалась в смысл фраз, тем большее уныние овладевало ей.

Стоявшая рядом с кроватью фрейлина наблюдала за горем принцессы, не смея нарушить молчание или еще чем потревожить ее.

– Эльда? – наконец позвала фрейлину Сельвина.

– Да, моя принцесса. – Эльда с готовностью придвинулась ближе.

Сельвина села на край кровати и утерла ладонью слезы.

– Эльда, скажи, почему такая несправедливость? Я так любила отца.

– Вы расстроены тем, что Его Величество назначил своим приемником вашего брата?

– Ах, дело вовсе не в том, отец не мог поступить иначе.

– Вы правы, Ваше Высочество, – согласилась Эльда. – Но что же тогда вас так расстроило?

– Часть завещания, касающаяся моего брака. – Сельвина всхлипнула и поднялась с кровати, повернувшись спиной к фрейлине. – Помогите мне, пожалуйста, переодеться, в этом

платье невозможно ни ходить, ни дышать!

Эльда принялась быстро и сноровисто ослаблять тугую шнуровку платья. Сельвина наконец вздохнула полной грудью, внезапно ощутив, насколько она устала всего за три часа. Голова побаливала, мышцы спины невыносимо ныли. Сельвина блаженно пошевелила плечами. Тяжелое платье сползло с плеч, скользнуло вдоль тела и опало на пол грудой парчи.

– Примите ванну, Ваше Высочество? – предложила Эльда.

– Нет, спасибо, Эльда. Возможно, позже. – Сельвина вышагнула из платья. – Поддай мне накидку.

Эльда вскоре вернулась с короткой воздушной накидкой в руках и помогла принцессе надеть ее, затем подняла с пола платье.

– Разве вы не пойдете на окончание церемонии?

– Нет, мне там нечего делать. – Сельвина приблизилась к встроенному в стену зеркалу во весь ее рост. Полупрозрачная накидка при малейшем движении играла пастельными цветами радуги, хитроумно меняя плотность, что более выгодно подчеркивало фигуру девушки. – Ну вот, – расстроено заметила принцесса, – теперь глаза весь вечер будут красными. Не понимаю, что нашло на отца.

– А что на него нашло?

Сельвина порывисто обернулась к входной двери.

На пороге комнаты стоял Корх.

– Сельвиночка, ты очаровательна в этом наряде! – Принц

вошел, прикрыл дверь и приблизился к сестре.

– Корх, тебя не учили испрашивать соизволения войти?! – гневно бросила Сельвина, выплеснув наконец все накопившее за день яростное негодование и презрение. К тому же иная реакция – Сельвина это знала доподлинно, – выглядела бы слабостью в глазах Корха и доставила бы тому удовольствие. – Где ты воспитывался, в дворцовых стойлах?

– Успокойся, сестренка. – Корх проследовал к кровати, бухнулся на нее и закинул ногу на ногу. – Двери не были заблокированы.

– Разблокированные двери – вовсе не повод вламываться ко мне без приглашения! – Сельвина отвернулась, вышла на балкон и оперлась на балюстраду. Теплый бриз весело заиграл легкой накидкой, приоткрывая сильные загорелые бедра девушки.

– Я беспокоился за тебя. Ты так спешно покинула нас, что я решил, не случилось ли что-нибудь с тобой. – Корх поднялся с кровати и тоже вышел на балкон. – Какой прекрасный вечер!

– Не могу с тобой согласиться, – с плохо скрываемым презрением отозвалась Сельвина. – Так же как не верю в твои беспокойства и сочувствие. Ты лишен их.

– Ты как всегда преувеличиваешь, сестра. Что ты говорила про отца?

– Я сказала, что не понимаю, как он мог так поступить со мной, – помявшись, ответила Сельвина.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Я имею в виду часть завещания, относящуюся ко мне.

Я обречена на вечное безбрачие!

– Вот видишь, – неопределенно отозвался Корх.

– О чем ты?

– Вот она – отцовская любовь, о которой ты мне все уши прожужжала. Я понял все давно; ты – лишь сейчас.

– Не верю! – категорически отрезала Сельвина. – Здесь что-то не так.

– О чем ты говоришь, дорогая сестра? – Корх показно наморщил лоб.

– Я знаю отца и его стиль. К тому же явные нестыковки в некоторых местах. Нет, он не мог этого написать!

– Ну-у, отец в последнее время сильно сдал, ты же знаешь. Возможно, последствия болезни, помутнение рассудка.

– Я общалась с ним до самой его смерти, – четко проговорила Сельвина, сверля брата неистовым, презрительным взглядом. – Отец до конца был в здравом уме.

– Тебе виднее, конечно. – Корх скривил губы в неприятной ухмылке и выпрямился. – Ну что ж. Вижу, ты в полном порядке, а мне нужно вернуться в зал. Меня ждут мои подданные.

– Удачно отпраздновать, – бросила вслед брату Сельвина и отвернулась.

– Благодарю, сестра! – важно отозвался Корх и вышел в коридор. Двери за ним закрылись.

Сельвина, оглядев раскинувшийся под балконом сад, тонувший в вечерней мгле, вернулась в комнату.

– Эльда? – позвала она. – Наполни, пожалуйста, ванну. Что-то я устала.

– Сию минуту.

– Нет, лучше скажи, пусть мне принесут что-нибудь перекусить. Ванну я наберу сама.

– Конечно, Ваше Высочество, как пожелаете. – Эльда присела в безупречном книксене и удалилась.

Сельвина неторопливо прошла в ванную комнату. Опустившись на бортик широкой ванны, облицованной светлой разноцветной мозаикой, она пустила в ванну мощную струю горячей воды. Горячая вода расслабит мышцы и поможет немного успокоиться.

Задумчиво поведя пальцем вдоль надписей на вделанном в стену пульте, Сельвина выбрала пенный ароматизатор и коснулась нужного сенсора. Струя воды заметно помутнела, приобретя легкий зеленоватый оттенок. Вода в ванне начала вспениваться, источая сложные фруктовые ароматы и расходясь пузырями. Пузыри сталкивались и соединялись, образуя белое воздушное покрывало.

Сельвина скинула накидку, отбросила ее на низенький стульчик у стены и опустила ноги в воду. Поболтав ими, девушка соскользнула с бортика в воду и вытянулась в ванне во весь рост, расслабленно заводила руками.

Щелкнул автомат, выключив подачу ароматизатора.

– Ваше Высочество, – в ванную комнату заглянула фрейлина. Сельвина открыла глаза, –ужин ждет вас на кровати.

– Спасибо, Эльда.

Фрейлина не уходила, о чем-то напряженно размышляя и не решаясь сказать.

– Можно мне сказать? – наконец спросила она.

– Конечно, почему ты спрашиваешь? – повела плечами Сельвина. – И прошу тебя, перестань величать меня «моим высочеством». Ты же знаешь, я этого не люблю. Мы сейчас одни.

– Конечно, Ва... Простите, Сельвина, – смутилась Эльда, приближаясь к ванне. – Я случайно слышала вашу беседу с принцем.

– И что же?

– Король очень любил вас, и мне тоже показалось странным, что он с вами вот так поступил.

– Это уже не имеет никакого значения.– Сельвина вздохнула и вновь закрыла глаза.

– Да, но... Странно не только отношение к вам. Завещание...

– Что тебя беспокоит, Эльда? – Сельвина приподнялась на локте, протянула руку и перекрыла воду. Бурлящий водопад мгновенно иссяк.

– Слова в завещании, что касаются вас... Не знаю даже как сказать. Они скорее могли бы принадлежать принцу Кор-

ху, чем вашему отцу.

– Ты тоже заметила?

Фрейлина кивнула.

– Пустое, Эльда. – Сельвина внезапно сникла. – Возможно, у отца действительно было помутнение.

– И вы в это верите?

– Нет, но факт остается фактом: завещание существует.

– А вы уверены, что это *его* завещание?

– Ну, я могу узнать стиль отца. К тому же Корх не способен зарифмовать ничего сложнее, чем «он» и «вон». Да и подделать завещание невозможно.

– Я бы не доверяла настолько вашему брату.

– Оставим это, Эльда. Завещание есть, и я обязана следовать его букве.

– Вы собираетесь искать жениха? – искренне ужаснулась Эльда.

– А что мне остается?

Сельвина порывисто встала. Вода волной толкнулась в бортики ванны и выплеснулась на пол. Принцесса поднялась, вышагнула на теплый, шершавый пластик пола, и Эльда укутала ее широким полотенцем.

– Я не могу позволить брату править. Он неминуемо приведет Королевство к полному краху.

– Но где же вы собираетесь искать идеального человека, который соответствовал бы завещанию Короля?

– Хороший вопрос, Эльда, – грустно улыбнулась Сельви-

на, придерживая полотенце на груди. – Я не знаю...

3

Следующие два дня Сельвина старательно избегала встреч с братом, хотя это ей и не всегда удавалось. Сельвине начинало казаться, что брат поставил себе целью довести ее до белого каления. Причин, побудивших к тому брата, Сельвина не понимала, но все происходящее наводило именно на эту мысль. При встрече с сестрой Корх пытался неуместно шутить, вел себя развязно, нередко даже по-хамски, словно стараясь подчеркнуть собственное превосходство над ней.

Скрываясь от брата в собственных покоях и желая отвлечься, принцесса часами просиживала за рабочей консолью в попытках вычислить возможного жениха. Современная техника достигла больших возможностей, а база данных, содержащая практически исчерпывающие данные по сотням миллиардов подданных Соединенного Королевства, хранила не только основные данные, такие, как внешность, занятость и место проживания. В базе также присутствовали психотипы людей, их склонности, уровень интеллекта, жизненные предпочтения и прочие любопытные сведения. Умело составленный запрос мог выдать список искомых личностей, наиболее удовлетворяющих требованиям ищущего. Но...

Список возможных претендентов на руку и сердце принцессы был огромен, что еще мягко сказано! При этом ма-

ло кто полноценно вписывался в рамки, очерченные завещанием. Тысячи людей приближались к «идеалу», но оказывались либо ущербными физически, либо имели неприятную, отталкивающую с точки зрения Сельвины внешность. Красавцы же почему-то наоборот являли собой совершенно бездарные пустышки и никчемные личности.

Просматривая кажущийся бесконечным список мужчин и их голографические образы, Сельвина ощущала, как постепенно тупеет от разнообразного единообразия. Невообразимо уставший мозг уже отказывался воспринимать образы, а во сне разражался кошмарами.

В ночных видениях Сельвине чудилось, будто ее окружают наседающие толпы людей сплошь мужского пола с требованиями оценить их, а над ними возвышался ее отец и спрашивал ехидным голосом принца: «Ну что, дорогая Сельвиночка, ты выбрала наконец?» Сельвина пыталась убежать от толпы, укрыться в каком-нибудь укромном уголке, но не могла отыскать места, где бы ее оставили в покое...

На второй день поисков вконец измотанная, Сельвина решила бросить не приносящее желаемого результата занятие. Тем более выяснился крайне неприятный факт: окраинные системы Королевства из рук вон плохо занимались регистрацией жителей, и в казалась бы полной базе данных наличествовали явные серьезные прорехи.

Нужно было придумать нечто иное, какой-то другой способ. Но пока ничего путного Сельвине в голову не приходи-

ло. Желая отвлечься от круговорота мыслей, принцесса прогуливалась в компании фрейлины в саду, вдыхая ароматы цветов и трав и слушая трели диковинных птиц, завезенных с других звездных систем.

А тем временем принц Корх развернул бурную деятельность по подготовке к собственной коронации. Вместо того чтобы заниматься неотложными государственными делами, Корх как угорелый носился по дворцу и вмешивался во все без исключения – от расстановки мебели до женских туалетов. Его визгливый, порой срывающийся в фальцет голос, вырываясь из окон дворца, распугивал птиц и вызывал у Сельвины приступы сильнейшего раздражения и мигрени.

– Куда ты его потащил?.. Я тебе куда сказал?.. Болван, не зеленый, а синий! Синий, понимаешь?!.. Нет, нужно покороче!.. Куда ты столы поставил, остолоп? Я тебе как сказал? Поперек!.. А стулья? Где ты нашел этот хлам?! Ты моей смерти хочешь?.. Шторы подбери! Подбери шторы, говорю! Да, вот так...

Корх, казалось, был неутомим. Он поспевал везде и всюду, никому не давал спуска и больше мешал, чем содействовал приготовлениям. Все это продолжалось до глубокого вечера второго дня.

Приближался день коронации.

На космодром одно за другим опускались суда вассалов Соединенного Королевства. Бурные, «рукоплескательные» встречи постановки а-ля принц Корх, больше напоминавшие

маскарад, нежели дипломатические процедуры, несказанно удивляли и вводили в ступор прибывающих графов. Графы звездных систем, будучи людьми серьезными и почтенными, не понимали, как следует реагировать на происходящее, и оттого ощущали себя не в своей тарелке. Приветственный шум толпы, согнанной по случаю на космодром, громкая музыка и обезьяньи пляски совершенно не соответствовали уровню принимаемых гостей.

Седые старцы и их молодые отпрыски, одинаково шокированные происходящим, недоуменно крутили головами и глуповато улыбались. Гвардейцы, с трудом сдерживая «ликующие» толпы людей, распахивали прибывших по правительственным карам и свозили в королевский дворец, где их лично встречал принц Корх, рассыпаясь в благодарностях и комплиментах.

Во дворце графов и членов их семей ожидали апартаменты, оформленные согласно полученных лично от принца Корха указаний, отчего те своим убранством напоминали скорее дома терпимости, нежели апартаменты государственных деятелей. Графы были убиты, сражены наповал, но, проявляя воспитанную в них с младых лет сдержанность, помалкивали. Пока помалкивали. Никто из графов, разумеется, не забыл, как их корабли в нарушение всех норм были задержаны на орбите. Некоторые крутились вокруг планеты всего пару часов, другие – больше суток. И все лишь для того, чтобы молодой выскочка Корх смог устроить «гениальную»

встречу на космодроме сразу для всех...

К одиннадцати часам вечера все наконец успокоилось, и дворец зажил своей обычной жизнью.

Неимоверно уставший, но чрезвычайно довольный собой, принц прогуливался в саду, вслушиваясь в доносившиеся из распахнутых окон голоса гостей. Гости беседовали меж собой тихо, и Корх напрягал слух, но разобрать удавалось лишь отдельные, ничего не значащие обрывки фраз. Ему хотелось услышать слова лести, похвалу в свой адрес, как отлично он все организовал.

Слава Высшему, он не слышал того, о чем в действительности говорили гости...

В глубине сада мелькнул знакомый женский силуэт, и принц устремился туда. Сельвина, первой заметившая брата и попытавшаяся скрыться от него за деревьями, была вынуждена остановиться, лишь Корх окликнул ее.

– Сестра?

– Да, Корх? – сухо отозвалась Сельвина.

– Ты тоже решила прогуляться?

Приблизившись, принц вычурно повел рукой, предлагая пройтись, и неторопливо зашагал рядом с принцессой.

– Как видишь.

– Дивный вечер, не правда ли?

– Возможно, – пробормотала Сельвина, размышляя, что могло брату понадобиться от нее. – Вы уже закончили все свои дела, Ваше Величество?

– Не паясничай, – скривил лицо Корх. – Ты все еще дуешься из-за завещания?

Сельвина промолчала.

– Брось. Завтра у нас великий день!

– У тебя великий день.

– Отец, кажется, говорил, что мы есть одно целое, – холодно заметил Корх, остановился и сложил руки на груди.

– Извини, я бы хотела побыть одна, если ты не возражаешь.

– Вот она – жажда власти! – сардонически заметил Корх.

– У меня никогда не было жажды власти. В отличие от тебя. Ты просто неисправим.

– Назови мне хоть одного дурака, который не хотел бы власти.

– Дурак – возможно, – не сдержалась Сельвина и направилась к беседке в центре парка.

Корх некоторое время переваривал замечание сестры, ища, как бы поострее ответить сестре. В голову ничего путного не приходило, а срывать на банальный скандал и портить себе отменное настроение не хотелось.

– Я в курсе, что ты занималась подбором жениха, – сказал он, нагнав сестру. – Что это, как не попытка поскорее заполнить трон?

Сельвина, не ответив, опустилась на скамью.

– И как успехи? – продолжал допытываться Корх.

Принцесса и этот вопрос оставила без ответа. Она нагну-

лась, подобрала с пола беседки широкий зеленый лист с фиолетовыми прожилками и повертела его за черенок.

– Догадываюсь, что никак. Но я могу подействовать твоему горю.

– Каким же образом? – лишенным всякой интонации голосом поинтересовалась Сельвина.

– Власть интересует меня лишь номинально. Управление государством, честно признаюсь, – это не мое.

– Ты делаешь успехи в самооценке! – В глазах Сельвины вспыхнули веселые искорки.

– Обойдемся без колкостей! – поморщился Корх. – Я, по крайней мере, честен. Меня интересуют лишь атрибуты власти.

– И что же ты намерен предложить мне? – Сельвина удивленно воззрилась на брата. – Зная тебя, могу предположить, что это нечто сногшибательное.

– Ты права! – гордо выпятил грудь Корх. – Завтра я стану Королем. Я возьму тебя в жены, и ты...

– Что-о?!!

Глаза Сельвины поползли на лоб, она медленно поднялась со скамьи, сжимая кулаки. В ее руке хрустнула сочная мякоть листка – первой жертвы надвигающейся бури.

Принц Корх, отступил, прикрываясь руками.

– Ты в своем уме? Ты что это удумал?

– Успокойся, сестренка, – пролепетал принц, продолжая отступать вглубь сада и даже не помышляя о побеге. – Ты

вовсе не интересуешь меня. Я хотел лишь отдать тебе трон и...

– Король вшивый! Щенок! Извращенец! – меряя слова шагами, Сельвина грозно надвигалась на принца. – Урод кривоногий! Недоносок! Сосунок!

Бледный Корх сделал еще шаг назад, но зацепился каблучком сверкающей туфли за выступавший из земли корешок и грохнулся задом на влажный мох, трусливо загородившись руками и поджав колени.

– Да я тебе собственными руками причиндалы пообрываю! – Сельвина нависла над повизгивающим от страха принцем, протягивая к нему руки со скрюченными пальцами. – Хорек расфуфыренный! – добавила она, тяжело дыша.

Корх вывернулся и отбежал на четвереньках в сторону. Потом вскочил на ноги и трусовато обернулся.

Сельвина стояла метрах в четырех от него. Вид ее был страшен: взлохмаченные волосы, глаза горят, как у дикой кошки, ноздри раздуваются, словно у разъяренного быка.

– Глупо, – сказал Корх, важно вскинув подбородок и одернув сюртук в попытке вернуть себе величественный вид. – Очень глупо. Дура.

Он развернулся и зашагал в сторону дворца, периодически опасливо оглядываясь через плечо.

...Сельвина ворвалась в свои покои, едва не снеся по пути двери.

– Что с вами, Ваше Высочество? – испуганная Эльда, услышав невероятный шум, производимый принцессой, выскочила ей на встречу из своей комнаты. – На вас напали?

– Все хорошо. Просто замечательно! – Сельвина попыталась улыбнуться, приглаживая руками растрепанную шевелюру. Принцесса огляделась по сторонам, словно ища что-то. – Да!

Она кинулась к консоли и упала в кресло перед ней.

– Эльда, собирай вещи, мы уезжаем!

– На ночь глядя? А как же коронация? – вконец растерялась фрейлина.

– Плевать на коронацию, на все плевать! Мы немедленно уезжаем!

– Куда же?

– Туда. – Принцесса неопределенно ткнула пальцем в потолок и повернулась к экрану.

– Но...

– Капитана Жакэ, – бросила принцесса человеку, возникшему на экране консоли.

– Сию минуту, мэ!м!

На экране возникло квадратное загорелое лицо с пышными усами и бакенбардами.

– Виль Жакэ слушает, Ваше Высочество!

– Капитан, подготовьте «Селесту» к вылету, скажем, через три часа.

– Слушаюсь, Ваше Высочество! – отчеканил Жакэ. –

Маршрут?

– Пока не определен, – ничего не придумав сходу, сказала Сельвина.

– Но я должен все спланировать. Ресурсы...

– Хорошо. Любая ближайшая система на ваше усмотрение, где мы сможем запастись всем необходимым.

– Принял, – кивнул Жакэ. – Цель полета?

– Я сообщу о ней на борту.

– Невозможно, Ваше Высочество! Я должен подать запрос в астронавигацию! Нас просто не выпустят с планеты.

– Свободный поиск, – устало вздохнула Сельвина (как все сложно!) – Нет, подождите! Сообщите о моем желании развестись.

– То есть прогулка налегке? – Жакэ растянул тонкие губы в белозубой улыбке.

– Вы все правильно поняли, капитан, – одобрительно сказала Сельвина. – Так будет меньше ненужных вопросов. Да, и еще!

– Слушаю.

– Затребуйте человек десять из гвардии. Для охраны.

– Хорошо, Ваше Высочество. Как вам будет угодно. – Жакэ учтиво склонил голову и отключился.

– Куда мы все-таки летим, Ваше Высочество? – переспросила Эльда.

– Искать мне жениха! – выпалила Сельвина. – Но прежде мы кое-что должны с тобой сделать.

– Что?

– Подпортить кое-кому праздник, – оскалилась в злобной ухмылке Сельвина и хищно сверкнула глазами. – Ну, держись, братец!

Она обернулась к фрейлине, крутанувшись на кресле.

– И не называй меня «моим высочеством»!..

Время тянулось неимоверно долго. Чемоданы с вещами были упакованы и отправлены на личную яхту принцессы еще полтора часа назад. Эльда куда-то запропала, пока Сельвина принимала ванну и приводила себя в порядок.

Сейчас Сельвина в полном одиночестве металась по комнате, словно загнанный зверь. Бездействие и жгучее желание отомстить, какого она никогда до того не испытывала, не давали ей ни минуты покоя. Наконец борьба с самой собой утомила принцессу, и она забылась коротким и беспокойным сном.

Около одиннадцати вечера вышел на связь Жакэ, разбудив принцессу. Сельвина выслушала доклад о готовности судна к вылету и сонным голосом поблагодарила.

Через пятнадцать минут позвонил Корх.

– Улетаешь, сестренка? – поинтересовался он.

– Собираешься меня задержать? – кипя ненавистью, спросила Сельвина.

– И в мыслях не было! Тебе неплохо бы развеяться. Или летишь на поиски женишка? – противно захихикал принц.

– Не твое дело! – рявкнула в ответ Сельвина, грозно сведя брови. Она с трудом сдерживалась, чтобы не наговорить грубостей. – Занимайся лучше своими «атрибутами».

Корх наморщил лоб, пытаясь сообразить, о чем, собствен-

но, идет речь.

– Ах, вон ты о чем! – спустя полминуты протянул он. Морщины вновь разгладились. – Уже все готово, сестренка. Давно готово.

– В таком случае, желаю приятного восхождения.

– И ты не останешься на коронацию? – притворно удивился принц, вскидывая тонкие, аккуратно выщипанные брови.

– Нет.

– Жаль! Очень жаль, – покачал головой Корх. – Ну что ж, счастливого тебе пути и удачи в поисках. – Он опять хихикнул и отключился.

Сельвина скрипнула зубами.

«Прыщ зудящий, индюк надутый! Ну, погоди же, я тебе устрою!...»

В дверях с подносом в руках возникла фрейлина.

– Эльда, ну куда же ты запропастилась? – Сельвина нетерпеливо вскочила из кресла.

– Вы не ужинали, Ва...

Принцесса нахмурилась.

– ...Сельвина, – быстро поправилась Эльда, ставя поднос на стол. – Я подумала, будет не лишним...

– К Черному ужин! – взмахнула рукой Сельвина. – Эльда, нас ждут великие дела!

– Когда у вас такие глаза, я вас боюсь. – Фрейлина отступила на шаг и осенила себя Священным знаком.

– Ну, тебе-то уж точно нечего меня бояться. Собирайся,

у нас еще много дел.

Сельвина подхватила с кровати один из темных плащей, широким взмахом накинула его на плечи и набросила на голову капюшон. Другой плащ она кинула фрейлине.

– Но вы так и не объяснили, чем мы собираемся заняться до отлета? – спросила Эльда, надевая плащ.

– Громить!

– Что-что? – опешила фрейлина.

– Громить все и вся. Я ему устрою веселую жизнь! – Сельвина погрозила в сторону дверей кулачком.

– Вы с ума сошли, Сельвина! – не на шутку перетрусилась Эльда.

– О, если бы ты только знала, что предложил мне этот... этот подонок Корх, – Сельвина скорчила брезгливую гримасу, – ты бы первая побежала.

– Прошу вас, не рассказывайте ничего, – испуганно поежилась фрейлина. – Пусть я лучше останусь в неведении.

– Но ты со мной?

– Да, – после некоторых колебаний не совсем уверенно отозвалась Эльда.

– В таком случае у нас на все про все, – Сельвина бросила взгляд на настенные часы, – сорок минут. В путь!

Принцесса с тяжелым сердцем оглядела свои покои, в которых она провела столько лет, где была счастлива и где горевала о всяких мелочах. Только теперь она понимала – то были именно мелочи, не стоившие пролитых по ним слезы.

Раньше, когда еще был жив отец, Сельвина была по-настоящему счастлива. Сейчас у нее не осталось ничего. Счастье ее ждало где-то там, вдали от дома. Принцесса верила в это, верила всей душой.

Едва сдерживая слезы, Сельвина перешагнула порог комнаты и в последний раз оглянулась.

Двери закрылись.

– Нам нужно торопиться, – решительно сказала она, понижая натянув капюшон.

Девушки направились на нижний этаж, где располагались кухня и банкетный зал. Стараясь производить как можно меньше шума и пряча лица под капюшонами, они быстро пересекли длинный коридор и спустились по гулкой лестнице. В плащах, конечно, не было никакого смысла, так как весь дворец был нашпигован различными датчиками и камерами, позволяющими контролировать перемещение всех и вся, но плащи придавали «операции» некую таинственность, особый шик.

Дворец спал. В коридорах и на лестницах Сельвина с Эльдой не встретили ни одного человека. Времена рыцарей и мушкетеров, охранявших покой своих государей, давно минули. Сейчас их с успехом заменяла чуткая автоматика, готовая в любой момент задержать или остановить преступника, а при необходимости вызвать живое подкрепление.

Но, сколь ни была умна система охраны, она и предположить не могла, что две почтенные особы, тайком пробрав-

шиеся в банкетный зал, собираются устроить там (и не только!) невообразимый бардак и полнейший беспредел.

Трудно себе представить, что могут натворить две вдохновленные благородной яростью женщины в течение пятнадцати минут. Столы были исцарапаны, пол вымазан лаком для ногтей, портреты принца разрисованы губной помадой, праздничные полотнища изрезаны и изорваны на лоскутки, а подушечка для коленопреклонения вымазана долго не сохнущим клеем. И все это под надзором несчастной системы охраны. Будь у нее возможность менять размеры глаз-объективов, все линзы давно бы повываливались от ужаса и полопались от стыда за творимые высокородными особами бесчинства.

Содеянного Сельвине показалось мало.

Оглядев дело рук своих, принцесса сдула со лба прядь, уперла руки в бока – месь не казалась ей полной. Поразмыслив, она прихватила Эльду под руку и потянула за собой на кухню.

Тем временем система охраны, пребывая в явном ступоре от происходящего и судорожно гоня по своим цепям килобайты противоречивой информации, пыталась сообразить, нужно ли включать сигнал тревоги или все же не стоит этого делать. С одной стороны на ее глазах происходил акт вредительства, но с другой в роли вредителей выступали принцесса и ее фрейлина. Задача казалась неразрешимой...

Между тем, девушки, войдя в раж, громили кухню. За-

готовленные на завтрашний день основные блюда переворачивались, обильно посыпались солью и перцем. Тарелки со страшным грохотом рушились целыми стопками на пол, разлетаясь фейерверками осколков. Рыба в смятении ускользала с блюд под шкафы и плиты. Жареная дичь в ужасе шмыгала по углам и разлеталась. Любимый Королевский торт принца Корха был смят, раздавлен и изуродован. Шоколадный Корх в парадной мантии, ранее венчавший торт – немилосердно припечатан кулаком к столу и превращен в коричневую лепешку с торчавшей из нее приплюснутой головой с улыбкой до ушей.

Девушки визжали от удовольствия.

Система охраны не выдержала нагрузки и отключилась, но в дверях уже толпилась перепуганная спросонья челядь, заглядывая в кухню через головы друг друга и не решаясь войти внутрь. Люди перешептывались, вертя головами.

– Что здесь происходит, Черный вас побери! – вклинился в толпу прибежавший на шум Корх. Он был в смешной короткой пижамке с котиками и в пушистых тапках. – Я спрашиваю, что здесь творится?

– Принцесса, кажись, того, – кто-то осторожно подал голос.

– Ну так держите ее, пока она не разнесла весь мой дворец! Великий Светлый, мой торт! – заметил наконец принц, в бессильной злобе ударив себя по ляжкам кулаками. – Да хватайте же ее, болваны!

– Еще один шаг, и я расскажу всем причину происходящего, – обернулась на голос брата Сельвина. Она важно выставила одну ногу вперед и уперла левую руку в бок. Другой рукой принцесса аккуратно, величественным жестом пригладила волосы. – Я думаю, всем будет интересно послушать, не так ли, мой дорогой братец?

– Нет!!! Молчи! – не на шутку перепугался Корх, переродив широко раскинутыми в стороны руками проход уже готовой было ворваться в кухню толпе. – Она... Она не сошла с ума, просто у нее нервный срыв. Моя сестра очень любила нашего папу. Можешь продолжать, Сельвиночка.

– Правда? Спасибо, дорогой братик. – Принцесса подплыла к принцу, покачивая бедрами. – Ты такой добрый сегодня!

Наклонившись вперед, она притянула ладонями голову растерявшегося Корха к себе и чмокнула его в нос. Корх попытался отвернуться, кривя губы, но не успел.

– Ты мой котенок, уси-пуси. – Сельвина пошевелила двумя пальцами у бледного, идущего пятнами лица брата и выпрямилась. – Пошли Эльда, мы уже закончили. Спасибо тебе, дорогой братец. Ты не представляешь, как мне полегчало!

Толпа расступилась, пропуская мимо себя принцессу и ее фрейлину. Корх бессильно сжимал кулаки, скрежеща зубами. Ногти больно впивались в ладони.

– Братик, – обернулась, задержавшись на миг, Сельвина, – тебе нужно обязательно показаться врачу: ты так ужас-

но скрипишь зубами – возможно, у тебя глисты.

– Никогда не прощу, – прошипел под нос Корх, меча глазами молнии. – Ни-ког-да!

Глава 2

1

«Селеста» седьмой день находилась на высокой орбите окраинного мирка под названием Митрион. Планета была небольшой и сплошь покрытой закрученными спиралями облаков, сквозь которые никак не удавалось разглядеть ее два небольших материка и огромные шапки льдов на полюсах.

Митрион был холодным миром. Среднегодовая температура на поверхности планеты не превышала двух градусов по Цельсию. Планета вращалась вокруг красного карлика, дававшего слишком мало света и тепла, и этим все объяснялось. К тому же из-за большой скорости вращения планеты вокруг собственной оси, на ней царили ураганные ветра. Жизнь на Митрионе предпочитала ютиться под землей и в огромных искусственных куполах, где выращивалось все необходимое для жизни людей, там же были разбиты сады.

Сельвина скучающим взглядом следила за вращением ничем не примечательного пушисто-белого шарика Митриона на обзорном экране своей роскошной каюты. Прошел уже год, как «Селеста» покинула родную Вестрию – столицу Соединенного Королевства. За год были обследованы двадцать

семь окраинных систем, а Сельвина до сих пор оставалась так же далека от исполнения воли отца, как и вначале. Надежда таяла, принося горькое разочарование.

Прибывая к очередной планете, Сельвина вновь воспламенялась. На планете нанимались несколько агентов с четкими указаниями по поиску и отбору людей, могущим удовлетворить оговоренным условиям. Агенты, сбиваясь с ног, пропускали миллионы мужчин сквозь «фильтры» выданных им указаний, словно просеивали породу в надежде отыскать крупинки золотого песка. Отыскивались, как правило, всего несколько человек. Избранные, пребывая в полном неведении и паническом состоянии от полнейшей неизвестности и страха за собственную судьбу, доставлялись на борт «Селесты», где Сельвина лично проводила с ними встречи. Встречи заканчивались всегда одинаково: отобранные мужчины, ошалелые от встречи с самой принцессой Соединенного Королевства, возвращались обратно на родную планету, и «Селеста» выдвигалась к следующей системе.

Оставалось еще чуть больше десяти планет...

Система безопасности известила Сельвину об ожидающем аудиенции за дверью ее каюты советнике Орни Кранце.

Принцесса на дух не переносила напыщенного и скрытного, всюду сующего свой нос советника, не без оснований полагая его появление на яхте неслучайным. Кранца она не раз замечала в покоях принца еще при жизни отца. Судя по слишком частым его визитам к принцу, Корх явно симпа-

тизировал верткому советнику. Смысл происходящего был ясен многим, кроме, возможно, самого принца. Однако никто не высказывался по этому поводу вслух. Будучи карьеристом и не чураясь любых методов в достижении намеченных целей, Кранц жаждал занять место Первого советника, что при правлении Корха вполне могло стать осуществимой реальностью.

На яхте же Кранц оказался при очень странных обстоятельствах. Сельвина обнаружила советника лишь после того, как корабль покинул правительственный сектор космодрома Вестрии. До того советник, прекрасно понимая, что его могут запросто ссадить с судна, скрывался где-то в подсобных помещениях. Как он вообще попал на яхту, оказалось полнейшей загадкой – никто из команды не видел, чтобы Кранц поднимался на борт.

Не меньшей загадкой не только для Сельвины, но и для капитана Жакэ также оказалось появление советника в судовой роли. Это могло случиться без ведома принцессы и капитана только в том случае, если его внесли в список экипажа либо Верховный Совет, либо лично принц, воспользовавшись правом, которого у него на тот момент еще не было. Но даже и тогда капитана судна обязаны были поставить в известность.

Жакэ, озадаченный не только появлением на борту своего судна «зайца», но и явным неуважением к собственной персоне, запросил с орбиты Совет. Как выяснилось, тот никаких

указаний насчет Кранца не давал и был удивлен и обескуражен случившимся не меньше капитана.

Разбушевавшийся не на шутку Жакэ накинулся на Кранца, требуя объяснений и грозясь выкинуть советника за борт. Судя по разъяренному виду капитана, он был весьма недалек от выполнения данного обещания, и Кранц, бледнея и заикаясь, пояснил, что принц Корх, действуя исключительно из желания всемерно содействовать начинаниям сестры и печась о ее безопасности, направил его на борт. Что же касательно судовой роли, то принц просто не успел поставить капитана Жакэ в известность, о чем принц, разумеется, крайне сожалеет.

Сельвине насилу удалось успокоить капитана – тот готов был вернуться на базу и ссадить с яхты незваного пассажира. Однако принцессе удалось отговорить Жакэ от необдуманного поступка. Ведь известный враг лучше неизвестного. Кто знает, что мог предпринять принц после коронации в отношении сестры, если бы Кранца, его доверенное лицо, высадили с судна. Корх либо нашел бы способ как-то иначе шпионить за Сельвиной (и не факт, что Сельвина или капитан могли заметить слежку), либо и вовсе вернуть яхту на Вестрию.

Жакэ вынужден был признать правоту принцессы и пойти на попятную. Но он не изменил отношения к Кранцу и продолжал относиться к нему, как к пустому месту, с завидной выдержкой скрывая лютую ненависть к советнику.

Кранц, напротив, находился уже на пределе выдержки и нервов, чего не скрывал. Не из-за отношения к нему капитана и команды – они его мало волновали. Обещанная принцем Корхом «короткая, легкая прогулка» с последующим возведением Кранца в должность Первого советника грозили перерасти в бессрочную ссылку в бескрайних просторах космоса на провинциальных задворках Королевства.

Несмотря на все попытки образумить принцессу, уговорить отказаться от нелепых попыток отыскать иголку в стоге сена, Сельвина оставалась непреклонной и с настойчивостью известного животного долбиться головой в закрытые ворота, скача от планеты к планете. Попытки склонить экипаж яхты к недовольству тоже не принесли никакого результата, а лишь усилили и без того отвратительное отношение команды к советнику.

И вот сейчас Кранц, сгорая от злобы и ненависти к принцу, к принцессе, к Жакэ, ко всему миру, несправедливо, с его точки зрения, обошедшемуся с ним, стоял возле дверей каюты Сельвины, в ожидании, когда принцесса соизволит принять его. Пальцы рук советника непроизвольно сжимались и разжимались, мышцы лица от нервного напряжения ходили ходуном. Кранц был настроен весьма решительно в последний раз поговорить с принцессой...

Дверь ушла в сторону, и Кранц ввалился в каюту, остановившись на пороге и склонив голову в положенном приветствии.

– На вашем лице, советник, я отмечаю сильную озабоченность, – сказала Сельвина, поднимаясь из кресла навстречу Кранцу. – Что-нибудь случилось?

– Это случилось давно, Ваше Высочество, – выдавил Кранц, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Присаживайтесь, прошу вас, – предложила принцесса, указав на второе кресло, возникшее из пола.

– Благодарю. – Кранц проследовал к креслу и опустился на него, замерев в напряженной позе.

Сельвина тоже села, откинулась на спинку и расслабленно положила руки на подлокотники.

– Слушаю вас, советник.

– Я хотел бы вновь вернуться к вопросу, когда вы собираетесь завершить несколько затянувшийся вояж?

– Советник, если мне не изменяет память, это не я заставила вас присоединиться ко мне. И к тому же, смею заметить, не ощущаю ровным счетом ни малейшей потребности в вашем присутствии. Поэтому вы вольны в любой момент сойти с яхты и вернуться в столицу. Я вас не удерживаю.

– Вы прекрасно понимаете, Ваше Высочество, что я не могу так поступить. – Левая щека Кранца непроизвольно дернулась.

– Отчего же, господин Кранц? – деланно удивилась Сельвина, отметив сильную нервозность советника. – Вы не по-польский работник и не персона, официально сопровождающая меня, и потому вольны поступать так, как сочтете нуж-

НЫМ.

– Я считаю необходимым еще раз попытаться открыть вам глаза на всю бесполезность ваших поисков, – ушел от неприятной темы Кранц. – Мне больно видеть, как вы изводите себя пустыми надеждами и мучаете команду, которая уже год не видела своих семей.

«Ну-ну, пожалел волк кобылу». – Сельвина покачала головой, а вслух сказала: – Если команда судна считает вояж, как вы выразились, затянувшимся, я бы хотела услышать это от нее или от капитана Жакэ лично. Не понимаю, почему вы выступаете в роли посредника между ними и мной?

– Они вас уважают, Ваше Высочество, и ничего не скажут напрямую.

– Следуя вашей логике, получается, что вы меня не уважаете, – предположила Сельвина.

– Давайте не будем играть словами. Вы знаете, что я прав, и не хуже меня понимаете всю абсурдность попыток найти единственного идеального человека среди сотен миллиардов жителей разных планет. Ваш отец, милостивый Король Вельт, потребовал от вас невыполнимого. И для всех было бы лучшим вариантом, если бы и вы наконец осознали это и вернулись в лоно семьи.

– Семьи? – Сельвина подалась вперед. – Заносчивый, самовлюбленный дурак, являющийся, к несчастью, моим братом – это вы называете семьей? Да я лучше сгнию в каком-нибудь захолустном третьесортном мирке, чем вернуться

под его опеку.

– Вы несправедливы к брату, – покачал головой советник. – На самом деле он вас любит.

– О! Нисколько не сомневаюсь, – недобро усмехнулась принцесса, но Кранц не понял намека.

– Хорошо, не будем о принце, то есть Короле Корхе, – устало вздохнул советник. Он все еще не терял надежды переубедить принцессу. – Осталось одиннадцать планет. Всего одиннадцать! Позади двадцать шесть, а результат нулевой. Разве это не говорит о полной несостоятельности выбранной вами методики поиска?

Принцесса нахмурилась, но промолчала. Она продолжала сидеть неподвижно, лишь ее тонкие пальцы нервно гладили обивку подлокотников, выдавая внутреннее напряжение.

– Нет в наше время идеальных людей. Нет, и быть не может! Да и в прошлом их были единицы. Вернитесь домой, прошу вас. Король подыщет вам подходящую партию. Разумеется, поскольку ваш жених не будет удовлетворять условиям завещания вашего отца, вы не сможете занять трон Королевы, но вы прекрасно будете править одним из центральных секторов. Я взываю к вашему разуму, Ваше Высочество!

Глаза принцессы как-то странно блеснули. Дрогнули, изогнулись тонкие полоски бровей.

Кранц замолк, затаив дыхание: неужели ему удалось?!.

– Как вы сказали, господин Кранц? – переспросила Сельвина. – В наше время?

У Кранца все сжалось внутри, по его спине пробежал холодок.

– Ваше Высочество, я надеюсь, вы не собираетесь?.. – Глаза советника, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

– Именно! Вы умничка, советник!

– Но это невозможно! Закон запрещает нам вмешиваться в прошлое!

– Успокойтесь, советник. – Сельвина вскочила на ноги и заметалась по каюте. – Закон запрещает вмешиваться в прошлое в пределах Соединенного Королевства. Я и не собираюсь этого делать.

– Тогда что же?

– Нужно выбрать мир, который не входит в состав Королевства, но который населяют люди.

– Таких миров нет! – категорично, со знанием вопроса заявил Кранц, проклиная свой длинный язык, подавший спесивой, своенравной девчонке новую, еще более глупую идею.

– Но они могли быть в прошлом! Возможно, сейчас эти планеты безжизненны. В конце концов, Королевству уже более двадцати пяти тысяч лет.

– Я умоляю вас, Ваше Высочество! Одумайтесь! – застонал Кранц.

– Я обязана выполнить последнюю волю отца, и я это сделаю.

– В таком случае я буду вынужден обо всем доложить Совету!

Сельвина остановилась, порывисто обернувшись к Кранцу, и метнула в него ледяной взгляд.

– Интересно, каким образом, советник?

– Я... Хорошо, – внезапно сдался тот, повесив плечи. – Но вы не понимаете, что собираетесь сделать! Вы можете разрушить весь наш мир!

– Вы, господин Кранц, никогда не были сильны в логике. Королевство существует сейчас, прошлое было раньше. И разрушить его невозможно. И если я была там, следовательно, это уже часть свершившейся истории.

– Будь по-вашему! – Кранц внезапно саданул по коленке кулаком. – Ваше Высочество, я готов оказать Вам содействие в поиске и даже укажу нужную планету.

– Вы? Содействие? Мне? – Сельвине показалось, что она ослышалась. – И вы хотите, чтобы я поверила вам?

– Ваше Высочество, я помогу, но! – Кранц выставил указательный палец. – Вы должны пообещать, что это будет последнее место поиска, после чего мы вернемся домой.

Принцесса долго не отвечала, размышляя над предложением Кранца – оно казалось заманчивым. Кранц терпеливо ждал.

– Предположим, я соглашусь. Но вам-то какая выгода?

– Очень простая. Мне надоели бессмысленные метания от звезды к звезде, наполненные бездельем, проклятые четыре стены... Я скоро сойду с ума! К тому же я хочу еще относительно молодым вернуться домой.

– И что же это за планета?

– Земля.

– Земля? Никогда не слыхала о такой.

– Планета-прародительница всех людей. Располагается в секторе Сириуса. В данный момент необитаема, и уже около тридцати тысяч лет. Соединенным Королевствам официально не принадлежит.

– Откуда вы о ней столько знаете?

– Я закончил Высшую школу Истории, – гордо заявил Кранц. – С отличием.

– Хорошо. Но в чем подвох?

– Его нет, Ваше Высочество, – устало вздохнул Кранц, разведя руками.

– Предположим, хотя и верится с трудом. – Сельвина долго и подозрительно вглядывалась в застывшее, ничего не выражающее лицо советника. – В чем же будет заключаться Ваше содействие?

– В моих знаниях истории. Я специализировался на ранних периодах развития человечества в эпоху первичного заселения галактики.

Слова советника казались искренними, а причина помощи – существенной, простой и ясной. И все же маленький червячок сомнений продолжал скрестись в сознании принцессы, не давая ей покоя.

– Я согласна! – скрепя сердце, наконец согласилась Сельвина.

2

Экспедиция к Земле прошлого должна была занять около месяца и требовала тщательной подготовки.

Несмотря на то что «Селеста» являла собой сверхсовременное судно с автономностью до полугода и наличием на борту пищевых и технологических синтезаторов, капитан Жакэ настоял на необходимости загрузки на яхту месячного запаса топлива, пищи, одежды, запасных частей и прочего. Для получения энергии генераторы «Селесты» использовали вакуум-преобразователи, но их не рекомендовалось использовать вблизи населенных планет, так как они давали сильные возмущения вакуума. Работа преобразователей могла не только нарушить хрупкое равновесие звездной системы, но и повлиять на биосферу планет. К тому же в прошлом желательно было оставаться как можно более незаметными.

Для погрузки на борт всего необходимого пришлось зайти на одну из ближайших планет – Цитру в системе голубой красавицы Веги. Здесь же, согласно требованиям советника Кранца, были наняты двенадцать агентов для выполнения поисковых работ.

Сельвина сначала не поняла, зачем нужно нанимать сторонних, но Кранц терпеливо разъяснил, что в прошлом не только нет агентов, баз данных Королевства и спецсредств сканирования, но и про само Королевство никто ничего не

знает, поскольку единственной населенной людьми планетой во всей галактике в то время являлась Земля.

Сельвине трудно было представить подобное: всего одна планета, жители которой никогда не покидали свой мир, а расстояние в несколько сотен километров считалось достаточно большим с их примитивными средствами передвижения – просто уму непостижимо!

– И это еще не все! – вещал Кранц, все больше распаляясь и воодушевляясь. Обреченный на длительное бездействие и столько времени лишенный нормального общения, советник наконец нашел благодарного слушателя, да еще заинтересованного в его знаниях. – Вы не поверите, но Земля прошлого была поделена на мелкие княжества, которые они гордо именовали государствами. Таких государств на планете насчитывалось две с половиной сотни!

– Столько государств на одной планете? – Сельвина недоверчиво косилась на Кранца, не в силах поверить в подобное. – Но зачем?

– Желание править. Вечное, неистребимое в человеке стремление к власти. Кучки людей, составлявшие правительства этих государств заботились исключительно о своих интересах, прикрываясь, разумеется, интересами народа. И, к тому же, вечно враждовали друг с другом, устраивая войны и междоусобицы. И все из жадности власти и наживы.

– Но я не понимаю, какое отношение имеют войны и гибель людей к власти и наживе?

– Очень даже прямое. Война – это оружие. Разработка и производство оружия – вещь очень дорогостоящая, и если есть войны, то необходимо и оружие. А если войн нет, то их нужно устроить, перессорив соседей, нагнетая обстановку и подтасовывая факты. Тогда можно продавать оружие, набивая карманы.

– Дикость какая-то! – всплеснула руками принцесса.

– Совершенно с вами согласен, Ваше Высочество.

– И вы предлагаете проводить поиск на этой варварской планете?

– Простите, но поиск в прошлом предложили именно вы, принцесса, – поправил Кранц.

– Да, но... неужели все прошлое Земли таково?

– До двадцать пятого века по старому летоисчислению, когда людям все-таки удалось сплотиться в идее заселения галактики, в первых робких попытках освоить ближайшие к Земле миры.

– Мы собираемся посетить этот период?

– Нет. Я взял бы на себя смелость порекомендовать двадцатый или двадцать первый век максимум, когда люди еще не стали абсолютными рабами технического прогресса, когда они уделяли много внимания собственному развитию как интеллектуальному, так и культурному. Когда человек действительно был человеком мыслящим.

– А разве позже что-то изменилось?

– Позже стараниями тех же правителей, их множествен-

ными бездарными реформами (а иногда и специальными) произошло оглупление человека.

– Но зачем?

– Ваше Высочество, скажите, каким человеком проще управлять: умным или глупым?

– Разумеется, глупым! Но кто в таком случае будет заботиться о процветании государства? Правители не могут сами обеспечить людей всем необходимым, да и себя самих тоже. Необходимо производство, а для обеспечения его работы нужны специалисты.

– Специалисты были, но лишь узколобые. А вот думающих, разносторонних, живо мыслящих людей остались единицы. Возможно, подобное и привело к краху планеты.

– Что же с ней случилось?

– Из планеты выкачали все полезные ископаемые, уничтожили природу, отравили ее, и жить там стало просто невозможно. К тому же Земля лишилась озонового слоя, и смертоносные потоки ультрафиолета уничтожили все, до чего не успела дотянуться рука человека. В общем, сейчас Земля – мертвый мир, ни для кого не представляющий интереса. А мир, в котором мы существуем с вами, был создан спустя лишь тысячелетия силами первых переселенцев, сохранивших долю разума.

– Вы рассказываете страшные вещи, советник, – неподдельно ужаснулась Сельвина. – И в такой мир мы направляемся?

– Именно в такой. Но вы можете отказаться, пока не поздно.

– Нет! Я должна испробовать все варианты, – решительно заявила Сельвина.

Кранц обреченно вздохнул. Последняя попытка отговорить принцессу потерпела полный крах.

– В таком случае, Ваше Высочество, я бы напоследок рекомендовал капитану не особо крутиться возле древней Земли, размахивая флагами дружбы. Наши предки были мнительны, злобны, и все неведомое вызывало в них страх. А страх, в свою очередь, вызывал агрессию.

– Успокойтесь, господин Кранц, – в распахнутых дверях каюты возник Жакэ, – я не собираюсь ни перед кем, как вы выразились, размахивать флагами. Наша цель: оставаться незаметными настолько, насколько возможно, поскорее завершить запланированную операцию и убраться восвояси.

– Я рад, капитан, что мы с вами хоть в чем-то солидарны, – поднимаясь из кресла, улыбнулся Кранц.

– Не могу ответить вам тем же, советник, – нахмурил брови Жакэ. – Сомневаюсь, что мне когда-либо удастся побороть неприязнь к вашей персоне, как бы грубо это ни звучало.

– Очень прискорбно, капитан, – развел руками Кранц. Улыбка сползла с его лица.

– До старта к Земле осталось не более двух суток, поэтому я настоятельно рекомендовал бы вам уделить больше вни-

мания разработке предстоящей операции и введению в курс дела нанятых вами же агентов, нежели обмену пустыми любезностями.

– Да, вы правы, капитан. – Кранц обернулся к принцессе, дернул подбородком, – Ваше Высочество, – и вышел в коридор.

Капитан посторонился, пропуская советника мимо себя, закрыл дверь и обратился к принцессе:

– Ваше Высочество, мне не нравится как этот... тип в последнее время увивается вокруг вас, а вы, простите за грубость, слушаете его, раскрыв свой прелестный ротик.

– Звучит действительно грубо! – Сельвина наморщила носик.

– Но все именно так, Ваше Высочество! Кранц – беспринципный и скользкий человек. Вы не боитесь, что он устроит какую-нибудь серьезную каверзу?

– Боюсь, но вы же защитите меня, капитан?

– Я могу защитить вас только от реальной опасности, которую смогу вовремя распознать. Но убереечь вас от самой себя – увы! – не в моих силах.

– Спасибо, капитан. Я поняла, – гордо вскинула подбородок Сельвина.

Жакэ поклонился и вышел, оставив Сельвину не в лучшем расположении духа и с грузом тяжелых сомнений.

Через полчаса «Селеста» снялась с центрального космодрома Цитры и устремилась ввысь. До прыжка к далекой и

таинственной прародине человечества – Земле осталось двадцать часов.

«Селеста» вынырнула из кокона искривленного пространства в полутора миллионах километров от Земли. С такого расстояния планета представлялась небольшим голубоватым шариком с четкой дымчатой окантовкой.

Планета быстро увеличивалась, приближаясь и смещаясь чуть влево. Экипаж напряженно работал, внося поправки в работу навигационной системы. То и дело раздавались отрывистые реплики и доклады. На множестве экранов отображались параметры работы систем корабля и полетные данные.

Сельвина ничего этого не замечала и, словно зачарованная, с замиранием сердца и неясными чувствами разглядывала планету на обзорном экране навигационной рубки – эту прекрасную колыбель, на которой много тысячелетий назад зародилось человечество, откуда началась его экспансия, и которую человечество умудрилось в конце концов превратить в мертвый мир. Сельвине казалось, будто она вернулась на родную Вестрию, настолько Земля была с ней схожа, словно сестра-близнец. Казалось, еще немного, и принцесса будет дома.

Самообман... Это не Вестрия, а совершенно чужая планета. И к тому же совершенно мертвая...

Планета разрасталась, занимая все большую площадь обзорного экрана. Вокруг нее вращался космический мусор,

опоясывающий планету четким кольцом: покинутые примитивные орбитальные станции, давно неработающие спутники связи и наблюдения, непонятные инженерные сооружения в виде многокилометровых колец, огромные изуродованные, побитые метеоритами прямоугольные полотнища – все в жутком состоянии.

Однако не они притягивали взгляд принцессы.

Сквозь редкий слой облаков уже можно было разглядеть очертания материков. Они были большие, бесформенные и совершенно непохожие на три аккуратных материка Вестрии. На темной стороне планеты нигде не было видно освещения – словно черный провал на теле планеты. Лишь светится тонкий ободок атмосферы.

«Селеста», сбрасывая скорость, огибала Землю. Из-за планеты показался единственный ее спутник, похожий на лицо в оспинах. Спутник был огромен. Таких естественных спутников у населенных планет Сельвине видеть еще не доводилось.

– Как вам Земля? – раздался голос за спиной принцессы. Она обернулась.

Рядом стоял Жакэ. Он тоже разглядывал Землю на обзорном экране.

– Поразительно! Она очень похожа на Вестрию.

– Земля действительно очень схожа по своим характеристикам с вашей родной планетой, принцесса. Тот же состав воздуха, почти тот же наклон оси и те же двадцать четыре

стандартных часа в сутках. И год на Вестрии длится почти столько же, сколько на Земле. Диаметр, правда, у Вестрии чуть меньше и сила тяжести. Но спутник... Он вообще, если честно, уникален в своем роде.

– Да, я таких еще не видела.

– И я, честно признаться, тоже. Я имею в виду у планет такого размера. Для планет-гигантов подобные спутники – обычное явление.

Сельвина оторвала взгляд от экрана.

– Мы будем садиться?

– В этом нет необходимости. На современной Земле нет ничего, что могло бы нас заинтересовать. Прошу вас, Ваше Высочество, – Жакэ указал рукой на дверь. – Здесь больше не будет ничего интересного.

Дверь распахнулась, и Сельвина с Жакэ вышли в коридор. Ребристый пластик пола упруго пружинил под ногами, скрадывая звуки шагов.

– Долго мы здесь пробудем, капитан?

– Я думаю, что-то около суток.

– Почему так долго?

– Мы должны уточнить данные о движении звездной системы, чтобы исключить ошибки позиционирования при выходе в прошлом, – любезно пояснил Жакэ.

– Я, если честно, не совсем понимаю, о чем идет речь.

– Речь идет о том, что позиция галактик, звезд и планет постоянно меняется. Все они движутся с определенной ско-

ростью в пространстве и по определенным траекториям. Отправляясь в прошлое, мы остаемся на месте, в то время как весь окружающий мир находится в движении.

– Я, кажется, поняла. Вы хотите сказать, что вам нужно точно знать, где находилась Земля в прошлом.

– Совершенно верно, Ваше Высочество. При небольших хронодвигках, какие мы выполняем постоянно после прыжков, разница в плюс-минус полмиллиона километров несущественна. Но при сдвиге в тридцать тысяч лет, который запросил советник, ошибка может вылиться в десятки, сотни миллионов, а то и миллиардов километров. И хорошо, если мы ошибемся в плюс, а иначе выход может закончиться внутри звезды или какой-нибудь планеты.

– Вы пугаете меня, господин Жакэ. – Сельвина поежилась.

– Все не так страшно, Ваше Высочество. Просто необходимо уточнить траектории и скорости окружающих нас тел, сверить их со статистикой за несколько достаточно больших промежутков времени и внести необходимые поправки.

– Вы меня немного успокоили. – Девушка благодарно коснулась пальцами предплечья Жакэ.

– Не забивайте себе голову ненужными проблемами, Ваше Высочество. Навигация – это наша работа, а экипаж, смею вас заверить, у нас отменный.

– Я рада, – улыбнулась Сельвина. – Обязательно передайте экипажу мою личную благодарность.

– Непременно, Ваше Высочество.

Они приблизились к стеклянным дверям кают-компания, в которой Кранц что-то усердно втолковывал нанятым агентам, и остановились у входа.

Кранц неистовствовал, бегая туда-сюда и размахивая руками. Агенты с непроницаемыми лицами стояли перед ним навтыяжку, глядя поверх его головы. На агентах были надежды необычные костюмы: черные, чуть свободные брюки с наведенными стрелками, черные же пиджаки, облегающие фигуры, с круглыми застежками, воткнутыми в прорези. Под пиджаками виднелись белые сорочки с тугими воротничками. Под воротничками шеи агентов сдавливали необычные ошейники с длинными расширяющимися «хвостами» из черной материи. На ногах – туфли грубой работы на плотной подошве с выделенным каблуком.

– Забавно выглядят. Во что они одеты? – развеселилась принцесса.

– Кранц считает, что мужчины в то время одевались именно так.

– Но как можно двигаться в подобной одежде? Посмотрите. При движении она должна натягиваться и сковывать движения. И ткань, на мой взгляд, слишком груба. А обувь? Взгляните на обувь. Она почти не гнется и стискивает ногу. И это носили наши предки?

– Вынужден согласиться с вашей оценкой, принцесса, – кивнул Жакэ. – Судя по костюмам, наши далекие предки страдали странной разновидностью мазохизма, особенно

учитывая удавки на шее.

– Да-да, я тоже обратила на них внимание. Теперь я, кажется, понимаю, откуда к нам пришли ужасно неудобные платья, в которых не только двигаться, но и дышать толком невозможно! – поддержала капитана Сельвина. – Все-таки, человеческая психика слишком инертна. Войдем?

– Я думаю, не стоит мешать советнику. У него явно что-то не ладится с агентами. Давайте я лучше провожу вас в каюту.

– Хорошо, – согласилась Сельвина, нехотя отходя от дверей кают-компания. Ей было очень интересно послушать, чем так недоволен разбушевавшийся Кранц.

– Вы еще не передумали насчет своей идеи?

– Нет, капитан, я должна все довести до конца.

– Не нравится мне план Кранца, и сам он не нравится. И его люди тоже, – сдержанно проворчал Жакэ.

– Вы неизлечимый пессимист, капитан.

– Я реалист. А реалист, когда ему недостаточно данных для окончательных выводов, неизбежно становится похожим на зануду-пессимиста. Не обращайтесь на меня внимания, Ваше Высочество.

– Но я не могу игнорировать ваши опасения, поскольку считаю вас своим другом. – Сельвина остановилась у дверей своей каюты и повернулась к Жакэ.

– Польщен. Но, возможно, сомнения – лишь порождение моей неспособности переваривать советника Кранца.

– У вас же должна быть возможность проследить за его

деятельностью на корабле?

– Это неэтично, принцесса, хотя возможности, разумеется, существуют.

– Не хотите же вы сказать, что ни разу не следили за ним. При вашем-то отношении к нему!

– Персона советника неприкосновенна, – отмел подозрения принцессы Жакэ. – Наблюдение может быть санкционировано исключительно Советом Вестрии и никем иным.

– А если я лично попрошу вас?

– Извините, но не имею права! – жестко отрезал Жакэ. – Прошу прощения, Ваше Высочество, но я вынужден покинуть вас. Меня ждет работа.

– Хорошо, идите, капитан.

– Я пришлю ваш ужин сюда, поскольку кают-компанию оккупировал Кранцем.

– Спасибо.

Сельвина тронула сенсор на стене, и дверь каюты открылась. Жакэ подождал, пока дверь за принцессой закроется и направился дальше по коридору, в помещение Службы безопасности «Селесты». Она располагалась на втором уровне кормового отдела корабля, рядом с инженерным отсеком.

Когда капитан появился на пороге Службы безопасности, ему навстречу поднялся дежурный – молодой парень с узким, треугольным лицом, впалыми щеками и глубоко посаженными, чуть раскосыми серыми глазами. Парня звали Кир Дортс.

– Продолжайте работать, – остановил его Жакэ.

Дортс кивнул и опустил обратно в кресло перед консолью с огромным видеообъемом. Центральное место видеообъема занимало изображение кают-компаний.

– Что у нас плохого? – спросил Жакэ, приближаясь к безопаснику.

– Ничего. Все спокойно, – отозвался тот, не оборачиваясь.

– Что по нашему подопечному?

– Если не считать излишней нервозности объекта, то пока ничего заслуживающего внимания.

Жакэ помолчал, наблюдая за Кранцем, что-то внушающим своим временным подчиненным. Звука не было, одна картинка. Звук транслировался в гарнитуру безопасника.

– О чем он говорит с ними?

– Бесконечные наставления. Кранц крайне недоволен слабой подготовкой агентов и ограниченной возможностью поглощать информацию. Правда, я не знаю, какой человек в состоянии впитать в себя за столь короткий срок подобную уйму знаний, какую пытается впихнуть в их головы Кранц. Мне кажется, было бы гораздо проще прибегнуть к прямой нейрозаписи. Но Кранц почему-то настаивает именно на пустой долбежке.

– Надо будет поинтересоваться у него относительно этого.

– На мой взгляд, бурная деятельность советника скорее рассчитана на эффект у возможного наблюдателя. Кранц сильно переигрывает. По крайней мере у меня складывается

именно такое впечатление.

– Интересная мысль, – задумчиво хмыкнул Жакэ, массируя пальцами подбородок. – Но какой в этом смысл? Чего он добивается?

– Могу предположить, что Кранц пытается, во-первых, показать окружающим личную заинтересованность в деле. А во-вторых, большая часть информации, усвоенная агентами столь примитивным способом, неизбежно вылетит у тех из голов по прошествии небольшого промежутка времени, и агенты окажутся неподготовленными должным образом для выполнения возложенных на них обязанностей.

– Вполне логичное предположение. Возможно, именно этого советник и добивается. Не в его интересах тщательно провести поиск в прошлом. А если операция окажется провальной, то его вины здесь нет – он всемерно содействовал. – Жакэ дружелюбно похлопал дежурного по плечу. – У вас отлично варит голова, Кир.

– Не стоит, сэр. Это моя работа, – спокойно ответил Дортс.

– Ну-ну, не скромничайте. У вас есть все записи «вводного курса» Кранца?

– Разумеется, сир, – дернул плечами Дортс.

– В таком случае давайте сделаем вот что: агенты, перед высадкой на планету, должны будут пройти обязательное медицинское освидетельствование, во время которого мы незаметно произведем нейрозапись «курса» Кранца. Вы можете самостоятельно подготовить чистый, так сказать, вариант?

Или вам нужен помощник?

– Нарезка займет не слишком много времени. Уверен, что справлюсь сам.

– Вот и отлично! Доложите, когда запись будет готова, а я пока предупрежу медотсек.

Прыжок в прошлое, которого с волнением ожидала Сельвина, находясь в рубке «Селесты», не запомнился ничем примечательным. Вернее, не запомнился вообще ничем.

«Селеста», окутавшись коконом защитного поля, на счет «ноль» включила хроноинвертор, и яхта в мгновение ока переместилась на тридцать тысяч лет назад, почти в начало эры технического прогресса. Сам прыжок Сельвина, как, впрочем, и другие члены экипажа, не почувствовала. Изменился лишь окружающий «Селесту» космос.

Земля, находившаяся до того в каких-нибудь полумиллионе километров от судна, в одно мгновение отпрыгнула назад и вбок, превратившись в крупную звездочку. Нисколько не изменившееся Солнце сместилось вправо. Звезды такими же острыми неподвижными иглами продолжали ровно светить.

– Мы на месте, Ваше Высочество, – доложил принцессе Жакэ, сидевший в кресле координатора. – Самый конец двадцатого столетия по летоисчислению планеты.

– Спасибо, капитан. – Сельвина, стоявшая за креслом капитана, с замиранием сердца всматривалась в далекую звездочку впереди корабля. От этой звездочки сейчас зависело очень многое. Вероятно даже, вся ее дальнейшая судьба. – Что вы намерены предпринять дальше?

– Сначала проведем сканирование данной системы для оценки ситуации. После подойдем как можно ближе к Земле и закрепимся где-нибудь на время проведения операции. Для временной базы оптимальным выбран вариант с Луной, хотя в любом случае понадобится ее экранирование.

– К чему такие предосторожности?

– Технический прогресс на Земле уже достиг того уровня, когда цивилизация начинает осваивать околопланетное пространство, активно следит за ним и производит астрономические изыскания с помощью серьезного оборудования. Мне не хотелось бы, чтобы наше судно стало объектом их любопытства и, тем более, пристального внимания.

– Вы правы, этого никак нельзя допустить. Значит, опять задержка? – немного расстроилась Сельвина.

– В таком деле нельзя торопиться, Ваше Высочество. Но специально никто затягивать экспедицию не собирается. Согласно расчетам, у нас есть всего полтора месяца на все про все.

– Почему? Неужели мы не можем оставаться здесь столько, сколько пожелаем? – удивилась Сельвина.

– Увы, это невозможно. В любом объекте, совершившем погружение в прошлое, накапливается, грубо говоря, потенциал, энергия, которая в конце концов вытолкнет объект обратно на поверхность, проводя аналогию с погружением в воду.

– Я не знала этого, – рассеянно похлопала ресницами

Сельвина.

– И не удивительно, Ваше Высочество, – ответил Жакэ, внимательно следя на своем секторе экрана за первыми данными сканирования. – Сейчас существует столько информации, знаний, которые не в состоянии поглотить ни один человек за всю свою жизнь. Все мы неминуемо узкие специалисты. Но даже и в этом случае мы постоянно пользуемся справочными данными.

– Кстати, давно хотела спросить вас: зачем вообще на кораблях устанавливаются... хроноинверсоры?

– Хроноинверторы, – поправил Жакэ. – Полезное дополнение, позволяющее сэкономить время перелета. Прыжок через пространство занимает от нескольких суток до месяцев, хотя вам они кажутся одним мгновением.

– Вы серьезно?

– Абсолютно. Благодаря хроноинверторам мы компенсируем потерянное время после прыжка. Таким образом, разница между началом и концом прыжка по времени составляет не более пары часов.

– Но, судя из вашего объяснение, нас должно было бы вытолкнуть обратно на поверхность времени?

– У вас хорошо с логикой и вы все быстро схватываете, Ваше Высочество! – похвалил Сельвину Жакэ. – Дело в том, что потенциал, приобретаемый нашим судном и нами при скачках во времени на такие небольшие интервалы, легко компенсируется специальным оборудованием. Нам, образно

выражаясь, подвешивается вечный балласт. То есть выравниваются наши потенциалы. Энергозатраты при этом невелики. Однако, погружение в прошлое на тысячи и десятки тысяч лет требует невероятных затрат энергии для выравнивания потенциалов наших и вселенной прошлого. У нас нет таких запасов энергии, а выработать ее в подобных количествах возможно только с помощью вакуум-преобразователей, которые категорически не рекомендуется использовать внутри звездных систем.

– Теперь все понятно. Значит, у нас?..

– Сорок три – сорок пять дней. Не больше. – Жакэ посмотрел в глаза принцессе долгим немигающим взглядом и, уловив ее колебания, добавил: – Не беспокойтесь, мы постараемся сократить подготовительные процедуры до необходимого минимума.

– Благодарю вас, капитан!

Жакэ кивнул и отвернулся к экрану, углубившись в изучение ежеминутно поступающей информации об окружающем «Селесту» мире.

Подготовительный период затянулся на шесть часов. Еще пару часов совет судна потратил на выбор оптимального места для развертывания временной базы, вернее, поиска укрытия для судна и обсуждение тонкостей плана самой поисковой операции.

В итоге было решено «подвесить» «Селесту» на обратной стороне Луны, не опускаясь на ее поверхность, что позволя-

ло существенно сократить время, требуемое на взлет-посадку, а также отказаться от разработки и формирования полевого укрытия на Луне для маскировки судна. У данного плана наличествовал единственный недостаток – с Землей не было прямого контакта, но проблема решалась довольно просто: за пределы границы Луны выводился спутник связи с полевым экранированием, чтобы его не могли засечь с Земли. Также было принято решение о способе доставки на судно возможных претендентов на руку и сердце принцессы. Оптимальным была признана телепортация, хотя на нее уходило слишком много энергии. Но, в данном случае, способ прямого физического изъятия по понятным причинам был совершенно неприемлем.

Спустя еще час «Селеста» в режиме «инкогнито» подошла к Луне, скрылась за ней и выпустила спутник. Тот окутался маскировочным полем и, достигнув назначенной точки базирования, неподвижно завис относительно Луны.

Все было готово для проведения операции.

Агенты уже успели пройти обязательный медосмотр, во время которого им незаметно была произведена нейрозапись необходимых для работы сведений. Сведения были скомпонованы из нарезки занятий Кранца с агентами.

Теперь агенты толпились в кают-компании. Они немного нервничали, что было заметно по их напряженным, прочерченным морщинами сомнений лицам и слишком громким разговорам и шуткам.

Сельвина, присутствующая в кают-компании, отлично понимала мужчин. Они, вероятно, были первыми наемными агентами, которым «посчастливилось» работать в прошлом, к тому же в столь отдаленном.

У входа, сложив руки на груди, стоял Кранц, отрешенно взиравший на своих подопечных. Кранц был совершенно спокоен.

Наконец двери распахнулись, и в кают-компанию вошел капитан. Жакэ сложил руки за спиной и сделал еще шаг вперед. Двери за его спиной бесшумно закрылись.

– Итак, через две минуты начинаем операцию, – обратился он к притихшим агентам. – Вы уже знаете ее цель и свои обязанности. Вы также обеспечены необходимым спецоборудованием связи, анализа и сопровождающими вас нейроботами, которые не только помогут вам быстрее сориентироваться в незнакомой обстановке, но и при необходимости обеспечат защиту и вернут вас на судно. Опасности никакой, но от случайностей никто не застрахован. Поэтому прошу вас быть как можно более внимательными и осмотрительными. В добрый путь, господа!

Раздался нестройный хор голосов, и агенты, один за другим, начали исчезать. Транспортировка на Землю началась.

Когда в кают-компании не осталось ни одного агента, капитан повернулся к Сельвине и, помассировав мочку уха, сказал:

– Да, теперь нам остается только дождаться результатов.

– Я о них только и думаю, дорогой капитан, – тяжело вздохнула Сельвина.

– Где же ваш знаменитый оптимизм, принцесса?

– Ничто не вечно в этом мире, – философски заметила Сельвина, поднимаясь из-за стола.

– И все же будем надеяться на лучшее.

Жакэ развернулся и вышел из кают-компания. Кранц успел незаметно ретироваться раньше.

Сельвина опять осталась одна.

Глава 3

1

Сейнер ткнулся носом в свешанные с причала старые, потертые покрышки. Движок взрыкнул, плотнее прижимая судно к покрышкам, и затих. С судна на причал перебросили швартовные концы. Двое рабочих подхватили их и сноровисто намотали на кнехты. Шаркнул устанавливаемый трап.

Сергея Аникина, выпускника рыбного техникума, ныне практиканта на судне, немилосердно укачивало. К тому же подташнивало от непереносимой вони тонн рыбы. Вонь была настолько плотной, что казалась почти осязаемой. Она забивала нос и рот, не давая нормально дышать. Но, похоже, кроме Сергея больше ее никто не ощущал. Экипаж выглядел вполне бодрым, довольным и крайне счастливым.

И было отчего.

Первое – это, разумеется, возвращение домой. Не просто радость ощущения под ногами твердой земли и близости родного дома. Проржавевшая насквозь посудина с гордым названием «Мореход» едва держалась на воде. Попади она в серьезный шторм, неминуемо пошла бы ко дну.

Второе – постоянно глох двигатель, давно нуждавшийся в капитальном ремонте. Но запчастей, как водится, не было.

Старший механик где кувалдой, а где и матом поддерживал в нем искру жизни. На плаву оставались лишь два судна из пяти. Старый владелец обанкротился, а новому было наплевать и на суда, и на людей. Лишь бы успеть побольше хапнуть. Веянье нового времени: главное – деньги, остальное – пропади пропадом!

И третье – улов позволит продлить унылое существование семей рыбаков еще возможно на месяц, что уже счастье! Так что поводов для радости у моряков было хоть отбавляй.

Сергея не радовало ничего. Полная пустота внутри, ощущение безысходности и собственной никчемности. И еще вонь. Ему казалось, будто он пропитался ей насквозь, до самых костей, и запах рыбы уже ничем не смыть.

За время учебы в техникуме и службы в армии Сергей совершенно отвык от родных ароматов поселка, да и вообще от унылой поселковой жизни. Попытка поступить после армии в институт в областном центре с грохотом провалилась, работы ему также не нашлось. Везде требовались лишь менеджеры, экономисты и банкиры – специалист по разведению рыб не нужен был никому. Послonyaвшись по городам и перебиваясь случайными заработками на стройках, Сергей плюнул на все и, в возрасте двадцати семи лет вернувшись в родной поселок, устроился матросом на сейнер. Людей не хватало, и его приняли с распростертыми объятиями.

Казалось бы, ко всему можно привыкнуть, но вот уже три месяца, как Сергей вкалывает на проклятом судне, а привыч-

ка и смирение никак не наступали. Наоборот, его все больше и больше тошнило от беспросветной рутины...

– Аникин? Сергей, заснул, что ли? – окликнул его голос, и в дверях возникла обрюзгшая, с красными прожилками физиономия старпома.

Сергей оторвался от иллюминатора и спустил ноги с койки.

– О, да ты весь зеленый! Давай-ка, брат, на берег, отдыхай. Мы тут сами управимся.

– Спасибо, дядь Борь, – поблагодарил Сергей, медленно сползая с кровати. Он подхватил с пола сумку, собранную загодя, закинул на плечо и поплелся к трапу.

На улице был поздний вечер, вдоль причала горели тусклые фонари, чей свет разбивался бликами в мерно покачивающихся черных водах. Сергей неторопливо сошел по деревянному трапу на причал и, не оглядываясь, побрел прочь. Свежий воздух придал немного бодрости, на душе стало чуть-чуть веселее.

Идти домой не хотелось. Дома дядька, как всегда, пьяный и либо дрыхнет, развалясь поперек дивана, либо рассказывает (если есть кому) бесконечные грустные истории «про то, как он...»

Сергей постоял в раздумье на развилке и, свернув вправо, зашагал по разбитой дороге в сторону бара, из окон которого лилась музыка и слышался людской гомон. Мимо проплывали скособоченные, почерневшие от времени столбы линии

электропередач. Светильники на их верхушках зияли черными дырами разбитых плафонов, и лишь кое-где дорогу заливали бледные, туманные овалы света.

Поселок погружался во тьму. Сергей постоянно спотыкался о выбоины в дороге. Под ногами хрустели куски крошащегося асфальта и щебенка. Наконец дорога закончилась дверями бара. Сергей толкнул дверь и замер на пороге. Огляделся по сторонам.

В баре было сильно накурено несмотря на настежь распахнутые окна. Под потолком плавало облако дыма, струясь и извиваясь спиралями и причудливыми зигзагами. В воздухе витали ароматы еды и пива. Сергей только сейчас осознал, что ничего не ел с самого обеда. Он почувствовал, как рот наполняется слюной.

– О, Серега вернулся! – донесся до слуха Сергея до боли знакомый голос.

Сергей закатил глаза, в душе проклиная нежданный «подарок» судьбы, и обернулся влево. За третьим столом, у окна, в компании двух местных забулдыг сидел его дядька. Забулдыги клевали носом, а крупный телом родственник Сергея все еще был бодр и активен. Он призывно размахивал полупустой кружкой, расплескивая жидковатое, разбавленное пиво.

– Серега, давай сюда! Зинка, организуй племяннику пошамкать. Быстро! – хрипло крикнул дядька, попутно расталкивая собутыльников, вернее, сокружечников.

Те смотрели на дядьку бессмысленными, мутными глазами и покачивались из стороны в сторону, вот-вот готовые рухнуть под стол.

– Ну-ка, братва, по домам. Пора баиньки.

Пьяницы покорно, но нехотя поднялись из-за стола и неуверенной походкой проковыляли к выходу. Сергей, посторонившись, пропустил их, затем без особого вдохновения приблизился к столу и сел. Брезгливо оглядел стол из грубо сколоченных досок, покрытый засаленной клеенкой с затертым рисунком.

На столе стояли две пустые кружки, все в жирных пятнах, пепельница, полная раздавленных окурков, и тарелка с полюбодранной вяленой воблой. Клеенка, покрытая потеками расплесканного пива, была усеяна пеплом и обсосанными до белизны рыбьими костями.

– Здорово, Серега! – Дядька перегнулся через стол и приветственно хлопнул Сергея по плечу. – Зинка, ну где ты там?

Сергей поморщился, потирая занывшее плечо – рука у дядьки была тяжелая.

– Да иду я, иду! Успокойся уже.

Из-за стойки выплыла Зина и, покачивая широкими бедрами, приблизилась к столу. В одной руке она держала тарелку с картошкой фри, покрытой кружком жареной колбасы и кружку пива, в другой – замызганную, сальную тряпку. – Ну-ка, убери лапищи! Я тут маленько протру, – сказала она дядьке.

Дядька убрал со стола локти, отклонившись назад, отхлебнул из бокала и подмигнул Сергею. Глаза у него были красные, налитые кровью. И дышал он тяжело.

Зина наскоро обмахнула тряпкой стол, сметя кости и пепел прямо на пол, более тщательно протерла клеенку около Сергея и, закинув тряпку на плечо, поставила перед Сергеем тарелку и кружку с пивом.

– Спасибо, тетя Зин, – поблагодарил Сергей.

– Я заранее приготовила, – сказала та, улыбнувшись. – Увидела, как вы возвращаетесь, и решила, что ты обязательно заглянешь сюда.

Зина почему-то сильно симпатизировала Сергею.

– Угу, – подтвердил Сергей, быстро орудуя вилкой.

– Все. Иди, иди. – Дядька помахал на Зину рукой. – Дай парню спокойно поесть.

Он заглянул в пустую кружку, насупил брови, натужно о чем-то размышляя, и протянул кружку удаляющейся буфетчице.

– Принеси-ка мне еще одну.

– Может, хватит с тебя на сегодня? – ворчливо осведомилась та, остановившись.

– Но-но! Тоже мне... Тащи давай!

Зина вздохнула, приняла кружку и удалилась за стойку.

Дядька выудил из кармана пачку папирос, вытряс из нее одну. Постучал папиросой о тыльную сторону ладони, сунул в вялые от выпитого губы и, чиркнув спичкой, прикурил.

– Ну, рассказывай. – Дядька развалился на стуле и выпустил изо рта сизое облачко дыма.

– Что рассказывать? – Сергей отхлебнул из бокала и поморщился. Пиво отдавало кислятиной, ни капли горчинки.

– Удачно сходили?

– Нормально.

– Улов?

– Хороший.

– Хороший... Разве это улов? Сейчас рыбы-то почти не осталось, краба те в задницу. А вот раньше, помню...

«Началось». – Сергей вздохнул, уткнулся носом в тарелку и вяло потыкал вилкой колбасу. – Дядь Толь, может, не надо про вашу молодость. Честно говоря, меня уже утомили эти рассказы.

– Да что ты понимаешь, сопляк! – внезапно взъярился дядька, резко подаваясь вперед и опуская тяжелый кулак на стол.

От сильного удара подпрыгнула посуда. Картошка рассыпалась по клеенке, кружок колбасы, подскочив, повис на краю тарелки. Пролилось пиво. Бычки выпрыгнули из пельницы и весело заскакали по столу.

Шум в баре стих.

Сергей выпрямился, отложил вилку и отодвинул от себя тарелку.

– Между прочим, это был мой ужин, – медленно, нарочито спокойно произнес он.

– Ужин, значит? – багровея еще сильнее, заорал дядька. – Я, думаешь, не понимаю, что тебе наплевать на работу. Мне уже надоела твоя вечно кислая, вечно всем недовольная физиономия. Тунеядец! Щенок!!! Работа, ему, видишь ли, не нравится, краба те в задницу!

– Достал ты меня уже со своим крабом – засунь его себе! – Сергей вскочил из-за стола, зло сжав кулаки, и сверкнул глазами.

– Что-о?! – взревел дядька, вскакивая следом.

Стул отлетел в проход между столами, загрохотав по полу. Из-за ближайшего стола вскочили двое близких знакомых дядьки и вцепились в того.

– Слышь, Толь, оставь пацана в покое. Ну, устал парень, – успокаивающе сказал один.

– Устал? Ни черта он не устал! Он бездельник! От работы нос воротит. Весь в мою сестричку, царство ей небесное!

– Не трожь маму, ты, старый алкоголик! Если бы не она, ты бы уже давно на кладбище валялся со своими пьянками.

– Да ты!.. Я ж тебя!.. – задохнулся дядька. Он рванулся вперед, но сильные руки знакомых удержали его. – Пусти! Пусти, говорю! – изворачивался дядька, пытаясь сбросить цепкие пальцы со своих плеч. – Я же тебя размажу, щенок паршивый!

– Давай! Попробуй! – с вызовом бросил Сергей, выпячивая грудь.

– Слышь, Серега, шел бы ты отсюда пока, – сказал один из

удерживающих. – А ты успокойся и пацана в покое оставь.

Сергей как-то разом остыл, наклонился, подхватил с пола сумку и направился к выходу, забыв расплатиться.

Дядька набычился, резким движением плеч сбросил с себя руки «заступников» и тяжело опустился на стул, который ему кто-то любезно подвинул под зад. Зина сунула дядьке в руку кружку с пивом, и тот, уткнувшись в нее носом, проворчал нечто неразборчивое.

Буря прошла стороной.

Посетители кафе разбрелись по своим местам, разговоры и веселье за столиками возобновились.

Сергей, хмурясь, вышел на улицу, одернул ворот ветровки и зло пнул сапогом камешек, подвернувшийся под ногу. Огляделся. Совсем рядом, в плотной тени навеса кто-то стоял. Сергей весь подобрался, щурясь и напряженно вглядываясь в ладную фигуру незнакомца. Незнакомец в черной двойке и галстукe выдвинулся на свет и остановился в паре шагов перед Сергеем.

– Ты чего, дядя, заблудился? – хмыкнул Сергей, окинув пижона взглядом с головы до ног. Парадный костюм в захолустной глуши выглядел, по крайней мере, нелепо.

Незнакомец ничего не ответил. Сергей забросил тяжелую сумку на плечо и засунул руки в карманы штанов, с вызовом вскинув подбородок.

– Ну, чего надо?

Незнакомец опять промолчал. Он долго разглядывал ли-

до Сергея, потом сунул руку в карман – Сергей мгновенно напрягся – и вытащил небольшую коробочку. Нажал кнопку.

Мир вокруг Сергея померк.

5 (Начало)

Сергей очнулся незнакомой комнате, сплошь белой, ни окон, ни дверей. Светильников нет, но в комнате светло как днем. Казалось, сами стены излучали ровный перламутровый свет. В комнате никакой обстановки, лишь ложе, вросшее в стену, на котором лежал Сергей.

Недоуменно повращав глазами, Сергей спустил ноги с ложа и сел. С правого плеча сползла ляжка сумки, и та упала на пол. Звук от ее падения оказался почему-то тише, чем должен был быть. Наклонившись, Сергей провел пальцами по полу. Пол оказался упругим и шершавым, хотя на вид был абсолютно гладким. Сергей поднялся с ложа и попрыгал – звука не было, лишь тихий шорох подошв.

«Странно, где я?» – подумал Сергей.

Пройдясь по комнате, он ощупал стены. Материал напоминал пластик, но по гладкости больше походил на стекло. Дверей обнаружить Сергей так и не смог.

«И как я сюда попал? Неужели тот тип меня оглушил?»

Нет, не сходится. Голова совершенно свежая и легкая, как пушинка. После удара она бы болела. Но комната все же какая-то не такая...

«Может, я арестован? – испугался Сергей, но отмахнулся от глупой мысли. – А что я сделал, чтобы меня арестовывать? Да и на камеру совсем не похоже».

Комната была где-то метров пять в длину и три в ширину. Потолок, правда, невысокий – Сергей мог дотянуться до него пальцами при своих метре семидесяти, если подняться на носочки.

«Может, изолятор? В «дурке», говорят, такие есть, – предположил Сергей. – Нет, там стены, вроде как, мягкие. И двери присутствуют. С окошечками».

Несколько раз обойдя комнату по периметру и так и не обнаружив никаких щелей или зазоров, Сергей вернулся обратно к ложу и опустился на него.

Поверхность ложа также была не совсем обычной, вернее, совсем необычной – как он только сразу не заметил! Материал покрытия оказался настолько гладким, что вовсе не ощущался, лишь по давлению на ладонь и пальцы. Сергей царапнул поверхность ложа ногтем, но ноготь лишь скользнул по неведомому материалу, словно по воздуху, не ощутив никакого сопротивления.

«Любопытно...»

Сергей опять огляделся. Не может такого быть, чтобы в комнате не было дверей. Как-то же он сюда попал? Да и видеокамеры здесь должны быть.

В животе заурчало. Сергей вспомнил о незаконченном ужине. Поесть, благодаря дядькиной выходке, ему так и не удалось, и теперь желудок решительно напоминал о себе.

– Эй, меня кто-нибудь слышит? – крикнул Сергей.

Ответа не последовало.

– Я есть хочу. Здесь вообще кормят или нет? Ау-у!

Несколько секунд ничего не происходило, а затем пол у ног Сергея неприятно зашевелился и начал расходиться лепестками. Сергей вздрогнул от неожиданности и подобрал ноги, с тревогой наблюдая за странным явлением. Из-под лепестков показалась круглая поверхность. Она быстро выдвинулась вверх на толстой круглой ножке на высоту около метра и застыла. Лепестки пола сошлись вместе и вновь срослись.

Сергей наконец догадался, что это стол, осторожно спустил ноги и коснулся его. Материал напоминал тот, которым был устлан пол комнаты. Опустившись на корточки, Сергей внимательно пригляделся к полу – ни шва, ни трещинки. Ощущение такое, будто стол стоял здесь всегда. Ничего подобного Сергей в жизни не видел, и даже не слышал о подобном. Хотя много ли он знает о современных технологиях...

Почесав затылок и выбравшись из-под стола, Сергей выжидающе уселся перед ним, несколько расслабившись.

«Хоть голодом морить не будут», – подумал он, ожидая, когда подадут еду. Сейчас-то он наконец увидит своих похитителей.

Однако время шло, но в комнате никто не появлялся. Еды тоже не было, что папахивало явным издевательством.

«Ну и где еда? – Сергей растерянно побарабанил пальцами по столу. – Эх, картошечки бы жареной с колбаской. Можно даже без пива».

И вдруг прямо из воздуха посреди стола появилась тарелка, наполненная отлично поджаренным картофелем ломтиками с коричневой хрустящей корочкой. Поверх картошки лежал кружок колбасы, источая мясные (!!!) ароматы. Рядом с тарелкой возникли вилка с ножом и салфетка.

«Ну дела-а!» – Сергей изумленно похлопал глазами, но чувство голода переборолло интерес к невероятному.

Схватив вилку, Сергей набросился на еду.

«Могли бы и пивка кружечку дать», – между делом подумал он, отпиливая туповатым зазубренным ножом кусочек колбасы.

Рядом с тарелкой возник стакан, наполненный каким-то соком.

«Ага, запрет на алкоголь...»

Сергей поднял стакан и поднес его к лицу, принялся. Затем сделал небольшой глоток. Сок по запаху напоминал ананасовый, но вкус оказался незнакомым, не очень сладким, освежающим.

«Сойдет», – резюмировал Сергей, возвращаясь к картошке.

Через десять минут, отодвинув от себя тарелку и вытерев салфеткой губы, Сергей почувствовал ленивую истому. Он сбросил сапоги и развалился на ложе, сыто цыкая зубом и глядя в потолок. Накатила усталость. Глаза сами собой закрылись, и Сергей уснул, не заметив, как посуда исчезла, а стол вновь бесшумно опустился под пол и скрылся, будто его

НЕ БЫЛО ВОВСЕ.

2

– ...Жорик, ты балбес! – сказал проходящий мимо сержант Боря Давыдов и похлопал по плечу Жору, сидящего на длинной низенькой деревянной скамейке.

На сержанте было полотенце, которое он придерживал рукой.

– Чего это? – надулся Жора.

– А того, – остановился Боря, поглядев на Жору сверху вниз. – Ты на кой ухарю в глаз засветил?

– Ну, так вышло, – буркнул Жора, отворачиваясь. – Он это... наседать как начал.

– Наседать? На тебя? – развеселился Боря. – Да он тебе в пупок дышит. Наседать! Вот накатает на тебя прокурору.

– Не накатает, – отмахнулся Жора.

– Ну-ну. Ваську патлатого забыл уже? Тоже был любитель лапами размахивать.

– Ну, помню. И чё?

– А ничё! Где Васька?

– Где надо, – окончательно расстроился Жора.

– Вот то-то и оно. Ну, бывай, Жорик! – Боря махнул рукой и затопал босыми пятками в сторону душа.

Жора, выпятив нижнюю губу, проводил его долгим, угрюмым взглядом и вздохнул.

– Да, погорячился малость, – саданул он кулаком по ко-

ленке.

Мыться расхотелось. Жора вновь обулся, поднялся со скамейки, закрыл личный шкафчик и вышел из раздевалки, на ходу вкладывая в металлическое кольцо на поясе дубинку с боковой ручкой – тон-фа по древне-японской терминологии. Название это очень нравилось Жоре, и он долго его учил, усилив наконец через пару-тройку дней.

В коридоре Жора внезапно напоролся на майора Шоронова.

– Так, – сказал тот, закладывая руки за спину.

Жора напрягся. По опыту он уже знал: майорское «так» – не к добру.

– Вот ты где, Кожухов, – констатировал майор, покачиваясь на каблуках. – Что произошло в магазине?

– Да я... Ничего особенно, товарищ майор!

– Я так и понял. Мордобой – это, по-твоему, ничего особенного?

– Ну-у, – неопределенно протянул Жора и почесал макушку.

– В общем, с тебя рапорт о случившемся. Тебе лично – полчаса! И смотри у меня! – Майор погрозил Жоре пальцем.

– Слушаюсь, товарищ майор! – вытянулся в струнку перепуганный Жора.

Майор придирчиво оглядел Жору и степенно удалился.

Жора вздохнул. Пугал его, разумеется, не майор, не его палец и даже не прокурор, которому хлюпик, по-видимому,

все-таки уже наката жалобу. Жору пугал рапорт – его нужно было писать. Письмо Жора воспринимал едва ли не как высшую форму насилия над человеком.

С ранних лет Жора – Георгий Кожухов уделял наибольшее внимание спорту и физической подготовке. С детства он был высоким, плечистым и на дух не переносил насилия над ближним, почему вечно встревал в любые разборки между сверстниками и даже старшими ребятами. Доставалось не только виноватым, но и правым. Входя в раж, Георгий не особо задумывался над проблемами правосудия. Главным для него было прекратить побоище, что он успешно и осуществлял, щедро раздавая тумаки направо и налево.

К своим двенадцати годам он действительно практически поборол насилие в одном отдельно взятом районе – стоило Георгию замаячить на горизонте, как драка тут же прекращалась и все разбежались кто куда, сломя ноги и головы.

Кроме насилия Георгий также на дух не переносил и школу. Исключая, разумеется, уроки физкультуры. Науки ему не давались, особенно русский и литература. Преподаватели сначала качали головами, а потом и вовсе махнули на Кожухова рукой. Родители, выбиваясь из сил, кнутом и пряником вдалбливали своему отпрыску основы наук, просиживая с ним до позднего вечера. Все было без толку.

Закончив школу с твердыми тройками и не поступив ни в одно учебное заведение, Георгий махнул на все рукой и ушел в армию. Попал в воздушно-десантные войска. После,

имея награды и поощрения, ему удалось устроиться в отдел вневедомственной охраны.

Поначалу он всех сразил своей прямолинейностью, принципиальностью и порядочностью – на Георгия не могли нараводаться. Но уже вскоре начались проблемы.

Георгий заводился с полоборота, стоило кому-нибудь задеать его или огрызнуться. Заканчивалось все обычно одним ударом могучего Жориного кулака, после чего руководство ОВО, хватаясь за голову, отчитывало Георгия и старалось замаять его проделки когда лично, а когда и самому Георгию приходилось идти на поклон к пострадавшему и умолять забрать заявление в прокуратуру в обмен на обещание все оплатить. И если бы не ценность мировоззрений Георгия, его давно бы выставили из ОВО.

Георгий после каждого такого случая корил себя за несдержанность, проклинал свой несносный характер, старательно держал себя в руках два-три месяца, а потом все повторялось...

Жора спустился в подвал, где располагался архив, в котором работала молоденькая девушка Леночка. Лена, заметив торчащую в дверях расстроенную физиономию Жоры, оторвалась от бумаг и горестно вздохнула.

– Опять?

– Угу, – с виноватым видом кивнул тот.

– Ладно уж, выкладывай, чего там у тебя сегодня приключилось.

Леночка выудила из стопки бумаг чистый лист, взяла в руки ручку и уставилась на Жору.

Выложив более-менее складно обстоятельства происшедшего и ответив на кучу наводящих вопросов, Жора наконец покинул Леночку, оставив ее в сосредоточенном одиночестве строчить рапорт за коробку конфет. Тихонько прикрыв за собой дверь, Жора отошел к окну, оперся о подоконник и невидящим взором уставился на улицу.

Время текло медленно. Жора изнывал от скуки и ожидания, все время поглядывая на настенные часы в конце коридора.

Наконец дверь архива распахнулась. Процокав каблучками, Леночка протянула Жоре бумагу, исписанную крупным, красивым почерком.

– Вот, держи. Расписаться-то сам сможешь?

– Угу, – буркнул Жора, принимая лист из тонких белых рук Леночки.

– Дату не забудь поставить.

– Угу. Это... спасибо большое! – смущенно поблагодарил он.

– Не за что. Конфеты с тебя.

– Без вопросов! – Жора ткнул себя в грудь кулаком.

– Какой же ты балбес все-таки.

Леночка тихонько хихикнула и скрылась за дверью.

Жора прислонился к подоконнику и, наморщив лоб, принялся читать «свой» рапорт, шевеля губами. Все было вроде

как верно.

Вытащив из кармана серебристую металлическую ручку и щелкнув колпачком, Жора быстро поставил дату и роспись, высунув при этом кончик языка.

– Ну вот, – сказал он, весьма гордый собой. – Сейчас отнесу майору, и все. И как только Ленка так складно замутить может? – почесав ручкой за ухом, подумал вслух Жора.

Он убрал ручку в карман, пригладил ежик коротких волос и бодро зашагал в направлении кабинета майора, но конце коридора ему внезапно преградил дорогу какой-то тип в штатском – в черном костюме и в галстукe.

Жора остановился, пытаясь сообразить, что от него пондобилось незнакомцу.

– Георгий Кожухов? – осведомился тот.

– Он самый. А вы кто такой?

– Не имеет значения, – отозвался незнакомец, копясь в кармане.

– Э, э... Эй! – Жора решил, что незнакомец вытаскивает оружие и кинулся на него.

Незнакомец поспешно отступил в сторону, выхватил необычную коробочку, смахивающую на парализатор, и нажал кнопку. У Жоры закружилась голова, и он провалился в абсолютную черноту небытия.

Листок с рапортом, выпавший из Жориных пальцев, спланировал на пол и скользнул под батарею центрального отопления.

Коридор опустел.

5 (Продолжение)

Сергей завтракал (или обедал, или ужинал – часов у него не было), когда раздался глухой хлопок. Сергей вздрогнул от неожиданности.

На дальней от него стороне лежа появилась довольно габаритная фигура незнакомого мужика в «хаки». Мужик безмятежно спал, всхрапывая и причмокивая во сне губами.

Не особо удивившись способу, которым в комнате объявился новый «заключенный», Сергей спокойно продолжил еду. На блюде перед ним лежала растерзанная жареная курица; рядом с блюдом стояли тарелка с салатом из свежих овощей и стакан с чаем. Подселение соседа Сергей не считал достаточно значимым поводом для досрочного завершения трапезы.

Сергей не знал, сколько точно времени пробыл в комнате, но полагал, что не меньше двух-трех дней. И за это время ощущение сказочности происходящего притупилось. Появление всего необходимого по первому мысленному требованию, к тому же прямо из воздуха, Сергея уже несколько не удивляло – мало ли сейчас «открытий чудных». Сергей все больше склонялся ко мнению, что участвует в некоем крупном техническом эксперименте.

Кормили его исправно, от пуза. Даже предоставили в его распоряжение телевизор, вернее, подобие телевизора – изоб-

ражение проецировалось прямо на стену или потолок, согласно пожеланиям Сергея. Каналов было невероятное множество, причем, на разных языках. Казалось, телевизор в состоянии показать любой канал из всех существующих в мире.

По желанию Сергей также мог получать книги или газеты – он специально поэкспериментировал в этом направлении. Заказанные им литература и пресса исправно появлялись на столе. Но читать Сергею почему-то не хотелось, хотя раньше он взахлеб зачитывался детективами и приключенческими романами.

Не обошлось и без казусов.

Когда Сергею серьезно приспичило в туалет и он, держась за живот, заметался по комнате, в дальнем углу вдруг выросла перегородка, а за ней, прямо на полу засветился красным светом круг. Ни кабинки, ни дыры, ни места для ступней – ничего! Лишь боковая перегородка и красный круг.

Сергей решил, что над ним издеваются или его просто не поняли. Он продолжал настойчиво требовать, просить и даже умолять появиться привычный унитаз, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу. Ничего не менялось.

В конце концов неизбежно наступил критический момент, когда Сергею не осталось ничего другого, как воспользоваться любезно предоставленным ему закутком. Какого же было его удивление, когда пол поглотил все, что Сергей самым неприличным образом исторг на него. Даже запаха не

осталось.

В том же месте и в той же конфигурации появлялся душ. Лишь круг был синего цвета, а над головой из стены высывалось квадратное сопло с тысячами крохотных отверстий. Сначала из душа била вода с моющим средством, затем струя иссякала, и Сергей спешно намыливался. Вторым заходом пена начисто смывалась. Сушка после принятия душа производилась теплым воздухом – это было приятно. К тому же пока Сергей мылся, его одежда неясным образом оказывалась выстиранной, высушенной и благоухала ароматами свежести.

В общем, если бы Сергей не ощущал себя полностью изолированным от мира подопытным кроликом, комнату можно было бы назвать райским местом...

В углу завозился мужик. Приподнявшись на руках, он усадил свое внушительное, грузное и жилистое тело и обхватил руками голову.

– О-о, мои мозги, – протянул он и открыл глаза.

Моргая, он мутноватым взглядом обвел комнату. Взгляд его наконец остановился на Сергее, сфокусировался и принял более или менее осмысленное выражение.

– Где я? – скрипучим голосом поинтересовался амбал в хаки.

– Хороший вопрос. – Сергей аристократическим жестом промокнул жирные губы салфеткой, отер пальцы и вальяжно растянулся на ложе, прислонившись спиной к стене. – Я бы

сам это хотел узнать.

– Чего-о? – медленно удивился новенький.

– Все очень просто. Я так же, как и ты, очнулся в этой комнате и сижу здесь уже неизвестно сколько времени. Какой сегодня день, кстати? – любезно пояснил Сергей.

– Э-э, четверг.

– Ну вот, значит, уже третий день.

– Слушай, а где дверь? – спохватился мужик, оглядевшись. – Двери-то нет!

– Если бы я знал, – обреченно вздохнул Сергей: вот же соседа подселили! – Тебя как зовут?

– Жора. Георгий, в смысле.

– Сергей.

– Слушай, Серега, я не понял, мы чё, в тюрьге?

– Не похоже. Есть хочешь? – Сергей попытался отвлечь нового знакомого от темы странной комнаты.

– Хочу, – обрадовался тот, пододвигаясь к столу. – Неплохо тут кормят. Сегодня, значит, у нас курочка. – Жора вождественно потер ладони.

– Это у меня курочка. – Сергей быстро наклонился вперед и подтянул блюдо к себе. – А себе можешь заказать что хочешь.

– Заказать? – Жадность соседа, казалось, Жору совершенно не задела.

– Именно. Вот что бы ты хотел?

– Ну-у, не знаю. – Жора задумчиво повертел пальцем-сар-

делькой в ухе.

– Просто подумай, и оно появится.

– Как – появится? – уставился на Сергея Жора.

– Ну как... Откуда я знаю, как! Появится, и все тут. Вот здесь, прямо на столе. – Сергей для убедительности похлопал ладонью по столешнице.

– Серьезно? – недоверчиво спросил Жора, подозрительно косясь на Сергея.

– Да ты попробуй. Вот что ты хочешь?

– Водки! – выпалил Жора и выжидательно уставился на стол.

Ничего не произошло. Жора нахмурил брови и выпятил нижнюю губу.

– Шутки шутишь, да? Я те кто, дурачок?

– Да ты не нервничай. Просто здесь спиртное не дают. – Сергей устало провел ладонью по лицу. – Попроси чего-нибудь другое.

– Тогда... пиво!

Опять ничего не произошло.

– Я же тебе сказал...

– А пиво – это не спиртное, – выкрутился Жора. – Это освежающий напиток.

– С алкоголем, – покачал головой Сергей. – Не выйдет, я уже пробовал.

– Эх! – расстроился Жора. – Ну-у, тогда яичницу с салом.

На столе появилась тарелка с яичницей из трех яиц и

оплавившимися полосками сала.

Жора в немом восхищении выкатил на нее глаза.

– Ну, дела-а... А водку, значит, нельзя?

Сергей закатил глаза и хлопнул себя по лбу. Он уже начал скучать по спокойному одиночеству.

– Ладно, не нервничай, – Жора дружелюбно хлопнул Сергея по плечу. – Понял, не дурак.

Амбал накинудся на яичницу, причавкивая и скребя вилок по тарелке, отчего у Сергея занули зууы.

– Классный телек, – мотнул головой Жора в сторону экрана.

– Угу.

Сергей отодвинулся от стола. Есть расхотелось.

– Не, ты врубись, Серега, – жуя, с набитым ртом, проговорил Жора. – Не успел засветить в глаз одному хорьку, как уже в КПЗ.

– Это не КПЗ, – сказал Сергей. – Неужели так похоже?

– Не похоже, – согласился Жора. – Не, я не понял. А где параша?

Сергей сильно стиснул зууы и тихонько постукался лбом об стену.

– Голова болит? – сочувственно спросил Жора, вытирая рукавом жирные губы и отодвигая пустую тарелку. – У меня тоже.

– Нет, не болит, – как можно сдержаннее отозвался Сергей.

– А все-таки?

– Что?

– Параша где?

– Там, в углу. – Сергей ткнул в дальний угол пальцем.

– Где? – уставился в угол Жора, прищуривая глаза. –

Опять шутишь?

– Мне уже не до шуток, Жор. Вот честное слово!

– Но там же пусто!

– Припрет – появится.

Жора долго смотрел в угол. Напряженная мыслительная деятельность в его голове отразилась вздувшимися на лбу венами. Было хорошо заметно, что Жора не верит Сергею.

Сергея в предвкушении необходимости дальнейших разъяснений бытового плана и конструктивных особенностей «местного» сортира уже начинало потряхивать, но в этот момент в углу вновь бухнуло...

3

Дверь в примерку резко распахнулась. В ней показалась худощавая физиономия с обвислыми щеками и глубоко посаженными глазами, отчего те, казалось, взирают на мир из темных провалов кратеров-глазниц. Физиономия принадлежала администратору Сосновскому.

– Витольд Андреевич, пятнадцать минут, – чуть резковато бросил Сосновский.

– Угу, – отозвался Витольд, не отрываясь от зеркала. Грим ложился не совсем так, как хотелось.

– Не задерживайтесь. Вы сегодня подменяете Парского.

– Я в курсе, – буркнул Витольд, кладя кисточку на столик и придирчиво разглядывая свое отражение. – Мне вечно приходится кого-нибудь подменять.

– Ну-ну, не надо так пессимистично. У вас все еще впереди, молодой человек.

– Очень надеюсь, – нахмурился Витольд и поднялся из кресла, оглядывая себя в последний раз.

– Не задерживайтесь.

– Да иду я, иду! – вздохнул Витольд, но дверь уже затворилась.

– Так, девочки, десять минут до начала. Торопимся, торопимся... – донеслось из коридора. Послышались голоса и смех.

Парский исполнял роль Меркуцио, одного из друзей Ромео. Особым талантом он не блистал, но старался изо всех сил. Посредственность, в общем. Хотя и заслуженный... Эдакая заслуженная посредственность, но зато на хорошем счету у режиссера.

А кому нужен Земсков? Кто он такой? В театре без году неделя. Ну и что, что диплом красный, да и таланта поболее, чем у Парского.

Нет, насчет таланта, конечно, Витольд не сам придумал – манией величия не страдает, но цену себе знает. Просто многие ему говорят про его талант. А толку? Ноль! Четыре года на второстепенных ролях, да на подменах: кто ногу подвернул, у кого воспаление легких приключилось, а у кого и бзик неожиданный на почве мании величия – это не буду, то мне не нравится, а это не хочу.

Однако Витольд не жаловался. Не в его характере было жаловаться и пенять на судьбу. Он все еще надеялся, что когда-нибудь все-таки придет и его звездный час, и потому работал, работал и еще раз работал, до семи потов, до пара из ушей. А Меркуцио, если уж разобраться, тоже вовсе неплохо. И не то что неплохо, а даже очень хорошо. Все-таки одна из главных ролей, как-никак...

Несколько повеселев и отбросив грустные размышления, Витольд подтянул трико, вышел в коридор и влился в шумную, шуршащую пышными нарядными одеждами толпу спешащих в направлении сцены артистов.

И тут кто-то осторожно подхватил Витольда под локоть и потянул в сторону. Витольд обернулся. У стены стоял невысокий, плечистый человек в черном костюме-двойке.

– Я сильно извиняюсь, – пробормотал незнакомец, отпуская локоть Витольда. – Вы будете Витольд Андреевич Земсков?

– Я буду Земсков. – Витольд смерил взглядом мужчину. – Что вы хотели?

– Вы не могли бы уделить мне всего минуту вашего времени?

– Вы извините, но у меня скоро выход. – Витольд указал рукой в сторону сцены.

– Всего минутку, честное слово! Поверьте, это очень важно.

– Ну, хорошо. Говорите. – Витольд пропустил мимо себя трех девушек и опять повернулся к незнакомцу.

– Здесь очень шумно и невозможно сосредоточиться. Может, пройдем вот сюда? – Незнакомец указал пальцем на нишу справа от лестницы.

– Простите, но у меня нет времени бегать с вами туда-сюда, – мягко, но с нажимом сказал Витольд, упирая руки в бока. – Вы меня отвлекаете от работы. Говорите здесь и сейчас или дождитесь окончания.

– Витольд Андреевич! – донесся голос Сосновского сверху. – Ну где вы там запропастились?

– Иду! – крикнул в ответ Витольд, вытягивая шею.

– Но вы не понимаете... – продолжал незнакомец.

– И не хочу. Простите, мне надо идти. – Витольд пропустил мимо себя еще двух девушек, последних, резко развернулся к лестнице, но успел заметить краем глаза, как незнакомец выхватил что-то из кармана.

Реакция у Витольда была отменная, но ее не хватило на то, чтобы уклониться в сторону от возможного удара или выстрела. Удара чем?.. Или выстрела из чего?..

Витольд так и не понял до конца, что, собственно, произошло. Последним, что ему удалось разглядеть, была странная коробочка в руках незнакомца и его большой палец правой руки, нажимающий на кнопку. И еще – бред полнейший! – реющий над его, Витольда, головой невиданный серебристый объект...

Сознание внезапно померкло.

Коридор опустел.

5 (Продолжение)

– Во, блин, Серега! – сипло выдохнул Жора, обернувшись на звук хлопка. – «Голубка» подкинули!

Удивление на лице Жоры сменилось озабоченностью, желваки заходили ходуном. Жора медленно потянулся за «демократизатором», но Сергей успел перехватить его руку.

– Подожди, чего он тебе сделал?

Жора непонимающе уставился на Сергея, хмуря брови.

– Но ведь голубой!..

– Он не голубой – он танцор. Ну, из балета, понимаешь?

– Балерон, что ли?

– Типа того. – Сергей неопределенно повертел в воздухе кистью правой руки с растопыренными пальцами.

– А здесь что, балет? – хмыкнул Жора, но «демократизатор» все же оставил в покое.

– Может, его прямо оттуда, с выступления забрали, – пожал плечами Сергей.

– Почему ты так думаешь? – наморщил лоб Жора, не сводя глаз со спящего танцора-балерона.

– Сам подумай, человек в балетном костюме. Трико вон, колет...

– Че-го? – недоуменно протянул Жора.

– Колет. – Сергей вздохнул и провел ладонью по лицу. – Рубашка такая, понимаешь. Вон, с пышными рукавами и

расшитая золотыми нитками.

– А-а. А ты откуда знаешь? Тоже этот... танцор диско? – Жора скривил губы в улыбке и подмигнул Сергею.

– Читал, – лаконично отозвался тот. Спорить с накачанным дубиной не хотелось.

– А знаешь, Серега, меня ведь тоже... прямо с работы того, забрали, – вздохнул Жора, грустно опустив голову. – Начальник рапорт ждет, а я тут прохлаждаюсь. С вами. Во влетит, когда вернусь!

– Не влетит. У тебя причина уважительная.

– Ты думаешь? – недоверчиво, как-то по-детски переспросил бугай, шмыгнув носом.

– Уверен.

– Хорошо бы, а то майор знаешь какой!.. Слушай, а мне справку дадут?

– Какую справку? – растерялся Сергей.

– Ну, что я здесь торчал. И что меня прямо с работы того...

– Ага, если догонят. – Сергей уже начинал всерьез злиться.

– Кого догонят?

– Тебя, кого же еще?

– Слышь, ты, шутник! – Жора тяжело поднялся и навис над Сергеем. – Я шутки не очень, понял?

– Я-то понял. А ты понял, что я здесь, как и ты, сижу и ни черта не знаю, – Сергей выпятил грудь и надвинулся на

Жору, сжав кулаки, – кто меня сюда посадил, на кой хрен и когда все это закончится. Да еще такого вот Жору подсадили. А ты со своими идиотскими вопросами о каких-то справках!

– Ладно, успокойся, – примирительно прогудел Жора, почесав макушку. – Понял. Значит, ты не в курсе насчет справки. И нечего так нервничать.

– Я не нервничаю, – скрипнул зубами Сергей, закрыл глаза и откинулся на стену, сложив руки на груди.

– О-о, – донесся едва различимый стон из угла, где на лежанке отдыхал новоприбывший.

Незнакомец, лежавший на животе с неудобно вывернутой вправо шеей, уперся руками в лежанку и тяжело приподнялся. Помотав головой, он выпрямился и огляделся по сторонам мутными со сна глазами.

– Какого... – Взгляд его остановился на двух взирающих на него мужчин. – Где я?

– Отличный вопрос! Как только узнаем – обязательно сообщим, – съехидничал Сергей.

– Да погоди ты! – махнул на него лапищей Жора. – Ты это, правда, балерон?

– Сам ты... балерон, – немного обиделся Витольд, глядя на Жору из-под насупленных бровей. – Я танцор балета... Господи! – глаза его вдруг расширились. – А как же там без меня?!.. Мужики, серьезно, где я?

– Без понятия, мужик, – опять съехидничал Сергей, сам не понимая, что на него нашло. Может быть, амбал доконал?

– Нет, серьезно?

– Да серьезно не знаем. – Сергей слез с лежанки и прошелся туда-сюда, засунув руки в задние карманы брюк. – Я тут уже три дня сижу. Этот вот до тебя появился, недавно.

– В каком смысле, появился? – Витольд одними глазами следил за прохаживающимся по комнате Сергеем.

– В прямом. Прямо из воздуха. Как ты.

– Вы серьезно?

– Мы что, клоуны тебе? – влез в разговор Жора. – Шутки тут с тобой шутковать.

– Все равно ничего не понял.

– Мы тоже. – Сергей остановился посреди комнаты. – Может, эксперимент какой, а может, и еще чего.

– Но мне на сцену надо!

– Всем куда-то надо, – пожал плечами Сергей. – Мне – домой. Жоре вот – на работу. У него там майор.

– Точно! – поддакнул Жора.

– Так что не напрягайся. Тебя как зовут-то?

– Витольд, – вздохнул танцор и заметно сник.

– Ну вот, Витольд. Я Сергей, а он – Георгий.

– Можно Жора, – прогудел амбал.

– Жора так Жора. – Витольд медленно поднялся с лежанки и потянулся, разминая затекшую спину.

Жора недоверчиво и как-то оценивающе разглядывал Витольда. Игнорируя его взгляд, Витольд прошелся вдоль стен, ощупывая их руками.

– Ни двери, ни щелочки, – заключил он, обернувшись к собратьям по несчастью. – Странно...

Ему никто не ответил.

– Надо как-то выбираться отсюда.

– Есть предложения, как? – вяло поинтересовался Сергей, широко зевнув.

– Пока нет, но что-то надо делать. Не сидеть же здесь, ожидая неизвестно чего. – Витольд сцепил руки за спиной, задумчиво опустил подбородок и прошелся от стены до стены. – Когда кормежка? – поинтересовался он, внезапно остановившись.

– Ко-о-а за-о-эы, – опять зевнул Сергей. Однообразие происходящего нагоняло скуку, а с ней и сонливость.

– Что? – переспросил Витольд, не поняв ни слова из сказанного.

– Я говорю: когда захочешь, – почмокав губами, повторил Сергей. – Подойди к столу, постучи по нему три раза и скажи: жрать – пить хочу, – с серьезным видом произнес он. – И все тебе будет, как в сказке.

– Seriously? – Витольд недоверчиво вскинул брови.

– Он так шутит, – пояснил Жора. – У него настроение плохое.

– Посидишь тут с мое, я на твое настроение погляжу, – пробурчал Сергей, надул щеки и отвернулся к стене.

– Нет, мужики, серьезно? – Витольд растерянно посмотрел сначала на Сергея, потом перевел взгляд на Жору.

– Стучать не надо, – с важным видом пояснил амбал. – Просто скажи, чего жрать хочешь. Только водку не дают, – со вздохом закончил он.

– Слушайте, хватит издеваться! – сорвался Витольд. – Я ведь чего хотел: придет кто, а мы его скрутим и ноги отсюда.

– Ты балбес или прикидываешься? – взорвался Сергей. – Я тебе русским языком объясняю: никто сюда не входит и никто отсюда не выходит. Сижу здесь три дня и никого, кроме вас, пока не видел! Тоже мне, стратег нашелся!

– Да-а. – Витольд задумчиво потер подбородок. – Но ведь не вечно же мы тут куковать будем!

– Нет, ты мне нравишься, мужик! – Жора приблизился к Витольду и от души хлопнул его огромной лапищей по плечу.

Витольд поморщился, потирая ушибленное плечо.

– Ты поаккуратней, медведь! – проворчал он.

– Да ладно тебе, – довольно хохотнул Жора. – Только вот, переодеться бы тебе не мешало, а то как-то...

– Я не на светский раут собирался, а на сцену, – обиделся Витольд. – И вообще, это моя рабочая одежда.

– Да я все понимаю, не мнись! Но знаешь, как-то не так, ну... все это... – Он неопределенно поводит рукой и выпятил нижнюю губу. Было хорошо заметно, что Жора с трудом подбирает слова, только бы не обидеть Витольда.

– Я не мнусь, – резко бросил Витольд. – И вообще, во что переодеться?

– Ну-у... – растерянно протянул Жора и пятерней поскреб бычьей шеей, озирая комнату пристальным взглядом.

– Да тут бутик модный за углом, – язвительно бросил Сергей.

– Во, видел! – в момент вскинулся Жора. – Я знал, что он брешет!

– В смысле? – переспросил Витольд.

– Ну что здесь выхода нет. А тут и бутик есть оказывается!

– И денег у Витольда, как у Шарика из Простоквашино, – продолжал Сергей.

– В смысле? – Жора недоуменно уставился на Сергея.

– В прямом. Только на «фиг вам» и хватит.

Витольд хохотнул.

Жора некоторое время переваривал информацию, хлопая глазами.

– Шутник, – резюмировал он, поджимая губы в тонкую полоску. – Ой, дошутишься ты у меня!

– А чего ты глупости-то говоришь? – Сергей нервно поерзал. – Привязался тоже к человеку. Во что он тебе переоденется?

– Это да. – Жора уныло повесил нос, признав очевидное. – Ладно, замяли.

– Послушайте, я так и не понял, что здесь происходит? – встрепенулся Витольд. – Есть здесь выход или нет?

– Да нет никакого выхода! – устало сказал Сергей.

– А про стол?

– А про стол – сущая правда. – Сергей выпрямился и, протянув руку, постучал по столешнице костяшками пальцев. – Хочу пиццу с грибами, мясом и сыром!

Посреди стола материализовалась тарелка с огромной, круглой пиццей, обильно усыпанной кусочками грибов, жареного мяса, кружками помидоров и с золотистой корочкой расплавленного сыра. По комнате поплыл непередаваемый аромат.

У Витольда от удивления расширились глаза. Он медленно приблизился к столу и осторожно ткнул пальцем в край пиццы. Для проверки. Мало ли, вдруг галлюцинация, или фокус какой.

– Настоящая!

– Что ни на есть. – подтвердил Сергей. – Можешь даже попробовать.

Не найдя на столе ножа, Витольд аккуратно оторвал кусок от пиццы и немного откусил.

– М-м, – протянул он, закатывая от удовольствия глаза. – Слушай, а стучать по столу обязательно?

– Да нет, – махнул Сергей рукой, немного отходя. – Это я так, для смеху.

– Понятно. – Витольд продолжал есть, откусывая небольшими кусочками и тщательно прожевывая их.

– Ты не сильно-то увлекайся, – пожурил Сергей. – У вас, вроде как, диета строгая.

– Нагло врут, – с набитым ртом отозвался Витольд. – К

тому же от куска пиццы ничего страшного не слу...

У стены напротив раздался хлопок.

Витольд, вздрогнув, выронил недоеденный кусок пиццы,
и все трое обернулись на звук...

Окончание учебы в университете Снежана Позняк решила отметить поездкой к родной тетке, маминой сестре, живущей на черноморском побережье Краснодарского края. Домик тетки располагался недалеко от моря. Берег в том месте скалистый, пляж галечный, зато природа утопает в зелени, кристально чистый воздух, вода прозрачная и мало народу, можно сказать, вообще нет. Снежана любила говорить: его количество настолько мало, что стремится к нулю. Это у нее профессиональное. Девушка закончила ВУЗ по специальности прикладная математика, да еще и с красным дипломом. Но думать об этом Снежане не очень-то и хотелось. По крайней мере, сейчас. Подумаешь о дипломе, и понимаешь, что дальше нужно искать работу в шумном, пропахшем дымом, огромном городе.

Нет, нет и еще раз нет. Работа подождет!

Снежана думала о пляже, о море, о синеве неба, пронизанного золотыми нитями слепящего солнца, о ненасытных чайках, вечно кружащих над головой. И вот оно свершилось! Третий сказочный день она гостит у тети Светы, упиваясь бездельем и радуясь простым вещам. Сейчас она встанет с кровати, позавтракает – и быстрее на пляж!

На пляж нужно спускаться по узкой тропке. Долго и аккуратно, стараясь не сверзиться с огромной высоты, от кото-

рой голова идет кругом. А подниматься обратно еще тяжелее. Зато внизу тебя ждет личный рай (ну, иногда почти личный). Мало кто забредает в эти полудикие места отдохнуть, купаться и позагорать. Народ сейчас больше привлекает окультуренный отдых в санаториях, на обустроенных городских пляжах. Снежана не любила все обустроенное, суматоху, толчею, хождение едва ли не по головам и не стихающий ни на секунду гомон сотен людей. Нет, это определенно не ее...

Снежана сладко потянулась, откинула длинными ногами простыню и вскочила с кровати. Кровать была старая, металлическая, с никелированными, чуть потускневшими от времени шариками на спинках, и не признавала такого обращения с собой. Поэтому она обиженно скрипнула и возмущенно заходила ходуном.

Снежана, не обратив на ее жалобы внимания, подскочила к окну и резким движением раскинула в стороны плотные занавеси, колышущиеся на слабом ветерке. В комнату хлынули потоки солнечного света и свежий утренний бриз. Девушка, закрыв глаза, сделала глубокий вдох, потом оперлась о подоконник и выглянула со второго этажа во двор.

Теть Светя копалась в огороде, пропалывая морковь. По двору бегали куры, меж них важно выхаживал петух. Сидящий у будки беспородный пес Атос, завидев в окне мансарды девушку, высунул язык и закрутил хвостом.

Снежана помахала ему рукой. Атос радостно тьякнул.

Теть Света тяжело разогнулась, держась рукой за затекшую поясницу, и поглядела в сторону дома.

– Снежка, бесстыдница эдакая! – всплеснула она руками, увидев племянницу в окне. – Куда ты в таком виде высунулась-то? Ох, беда с тобой просто!

– Ой! – Снежка шустро скользнула в комнату, закрутилась по комнате и, отыскав халат среди небрежно разбросанных по полу вещей, накинула его на узкие обгоревшие плечи. Застегнув молнию, девушка отворила дверь и, быстро перебирая босыми ногами, сбежала вниз по деревянным, чуть вытертым и скрипучим ступенькам.

Теть Света уже была на веранде.

– Привет, теть Свет! – поздоровалась Снежана, чмокнув тетку в щеку.

– Привет, привет, – проворчала тетка. – Вот напишу твоей матери, как ты тут голым задом сверкаешь! Что за мода такая?

– Да ладно вам, теть Свет! – отмахнулась Снежана, усаживаясь за стол, где ее уже дожидались блины со сметаной. – Что здесь такого? Тем более жарко тут у вас.

– Жарко ей! А на пляжу тоже жарко?

– В смысле? – невинно вскинула брови Снежана, запихивая в рот кусок блина, обильно вымазанный в сметане.

– В прямом! – Теть Света поставила перед Снежаной огромную кружку с чаем и отерла руки о цветастый передник. – Гляжу, ты ушла, а купальник – здесь.

– Ой, тетя Свет! Да там никого на пляже и нет, – махнула рукой Снежана, наморщив облупившийся носик. – И потом, вы знаете, сколько у нас денег в соляриях платят за такой загар? Ужас просто! А тут все бесплатно.

– Бесплатно, – вздохнула тетя Света. – Ну а как увидит кто? Или того хуже?

– Да кому я нужна, – поморщилась Снежана. – И вообще, тетя Свет, я уже большая девочка и могу за себя постоять. У меня как-никак разряд по самбо.

– Поможет твоя самба, если что, – проворчала женщина, удрученно покачав головой.

– А купальник, если что, поможет?

– Да ну тебя! Типун те на язык.

– Вот и я о том же, – тихо пробормотала Снежана под нос, макая очередной блин в густую сметану.

– Что?

– Да нет, я так. О своем.

– Понятно... Я тебе тут собрала немножко. Небось, опять до послеобеда там торчать будешь?

– Как получится, – неопределенно дернула плечами Снежана.

Запихав в рот остатки блина и запив его горячим чаем, девушка вытерла рот салфеткой и выбралась из-за стола.

– Сыаси-о, – с полным ртом проговорила Снежана, чмокнула тетку в подставленную щеку и упорхнула вверх по лестнице.

– На здоровье. Купальник одень, слышь?

Но Снежана уже скрылась за дверью мансарды и ответа не последовало.

– А-а, – обреченно махнула рукой тетка и принялась прибирать со стола.

День выдался погожий, ни облачка. Несильный ветерок колыхал верхушки деревьев, облепивших отвесные склоны, нависавшие над пляжем.

Снежана, прижимая к себе ноутбук и цепляясь полотняной сумкой за кустарники, быстро спускалась по тропинке, изредка оскальзываясь и замирая. Мелкие камешки разлетались из-под ее ног и, весело прыгая, устремлялись вниз по тропинке.

Ноутбук был тяжелый, из первых – папин подарок за успешное окончание университета и долгожданная мечта Снежаны. Теперь она ни на миг с ним не расставалась: то книжку почитает, то что-нибудь эдакое замудрит для повышения, так сказать, собственной квалификации. Ноутбук – вещь крайне нужная, и просто непонятно, как Снежана раньше без него обходилась.

Ступив наконец на крупную гальку пляжа, девушка огляделась и направилась в дальний конец пляжной косы, изогнутой полумесяцем. Но там Снежану ждало разочарование. Ее излюбленное место за огромным валуном было занято воркующей парочкой. Парочка вдохновенно целовалась, не замечая ничего вокруг себя. Девушка была в одних плавках.

– Вот же принесла вас нелегкая, – расстроено буркнула Снежана, вздохнула и побрела в другую сторону, туда, где валун надежно скрывал бы ее от глаз посторонних.

Отойдя метров на сто, Снежана неторопливо расстелила покрывало, придавила его по краям крупными камнями, уложила ноутбук и сумку с едой и бутылкой воды на покрывало. Потом, оглянувшись через плечо, быстро скинула босоножки и халат.

– Вот вам! – Снежана продемонстрировала парочке высунутый язык. Та, разумеется, не могла видеть ее языка, и, скорее всего, даже не подозревала, как на них рассержена Снежана. Ну и пусть!

Тщательно укрыв халатом сумку и ноутбук, Снежана побежала к воде, но у самой ее кромки остановилась и пощупала воду пальцами ноги. Вода оказалась теплой.

Медленно, стараясь не оскользнуться на склизких камнях и балансируя руками, Снежана медленно вошла в воду почти по пояс, затем резко оттолкнулась сильными ногами и рыбкой ушла под воду. Вынырнула она уже далеко от берега.

Отфыркавшись и отерев лицо рукой, Снежана обернулась в сторону парочки. Отсюда молодые люди уже были видны. Девушка спешно натягивала лифчик; молодой человек нервно курил, глядя куда-то в сторону – видно, пытался таким образом выразить свое недовольство присутствием Снежаны.

«Ничего, переживешь», – злорадно подумала Снежана и,

расслабившись, улеглась на воде с широко раскинутыми в стороны руками.

Полежав без движения минут пять, Снежана спохватилась как бы незнакомые молодые люди не украли ее сокровище. Но, как оказалось, парочка плавала невдалеке от берега, в другой стороне и подальше от нее.

И все же Снежану далековато отнесло от места, где она оставила вещи.

Кролем девушка быстро добралась до отмели, выпрямилась и медленно побрела по колено в воде к берегу, отжимая на ходу длинные волосы. Добравшись до расстеленного покрывала, она опустилась на него животом, положила голову на руки и поболтала согнутыми ногами в воздухе. Бросила взгляд влево.

«Вот там и плавайте!» – хмыкнула Снежана, перевернулась на спину и села, откинув влажные волосы с плеч на спину. Просунув руку под халат, девушка вытянула сумку с ноутбуком и пристроила ее у себя на коленях.

Что-то загородило солнце, будто на него набежала невесть откуда взявшаяся залетная тучка.

Снежана медленно подняла глаза.

Перед ней стоял высокий широкоплечий мужчина с квадратной челюстью, крупным носом с горбинкой и близко посаженными глазами. На мужчине был черный костюм, отглаженный и без единой пылинки. Откуда взялся разряженный хлыщ, Снежана понятия не имела. Еще пару минут на-

зад пляж был совершенно пуст, и по тропинке тоже никто не спускался. Да еще этот дурацкий костюм...

– Чего надо? – грубо бросила Снежана.

Мужчина наморщил лоб, пристально глядя в глаза Снежане.

– Ну? – Девушка напряглась, соображая, что незнакомец может предпринять. – Посмотрел? А теперь отойди, ты не из кварца.

– Снежана Андреевна? – неожиданно спросил мужчина на удивление тонким, никак не соответствующим его внешности голосом.

– Э-э... Я, – растерялась Снежана. Подобного вопроса она никак не ожидала. – А что, собственно?..

Она начала медленно приподниматься с покрывала, продолжая прижимать к себе ноутбук обеими руками.

– Ничего страшного, – заверил ее мужчина, сунув левую руку в карман, – уверяю вас.

Он извлек из кармана какой-то прибор и направил его на девушку.

– Э, эй! – попыталась возмутиться Снежана, выставив перед собой свободную руку.

Мужчина нажал кнопку на приборе.

Снежана инстинктивно рванулась в сторону. Свет померк...

Плескавшаяся в воде парочка, удивленно взиравшая на общение мужчины в выходном костюме и голой девушки,

только раскрыли рты: секундой позже на пляже не было ни того ни другой. Лишь в том месте, где они стояли, слабо бухнул воздух, поднялось облачко пыли, и дернулось, словно от порыва ветра, покрывало. Халат Снежаны воспарил вверх, взмахнув полами, словно крыльями, и бессильно повис на кустарнике, росшем из отвесной скальной стены метрах в трех от земли.

5 (Окончание)

У стены, поджав ноги и прижимая к себе черную сумку с ноутбуком, сидела совершенно нагая девушка лет двадцати пяти. Голова ее свешивалась на плечо, глаза были закрыты. Растрепанные и влажные рыжеватые волосы разметались по лицу, плечам и груди.

– Ха, баба голая! – Жора, чуть присев, восторженно хлопнул себя по ляжкам. – Не, вы видели?

– Интересно, ее-то откуда вытащили? – задумчиво протянул Сергей, встав рядом с Витольдом. – Из бани, что ли?

– Ага, с ноутбуком, – серьезно отметил тот, разглядывая девушку. – В баню ведь исключительно с ноутбуком ходят.

– Странно... – Сергей задумчиво помял подбородок. – Может, из солярия. Смотри, у нее кожа загорелая, – предположил он.

– Все может быть.

– Да вы чё, мужики? – оторопело уставился на них Жора округлившимися глазами. – Это ж баба голая! Развратные действия в общественном месте!

– Остынь, – отрывисто бросил Сергей. – Тоже мне, блюститель нравственности нашелся.

– Так ведь?.. – Жора окончательно растерялся.

– Да погоди ты! – махнул рукой Витольд. – Серега прав. Жора замялся, не зная, как поступить.

– Смотри, просыпается вроде, – кивнул Сергей в сторону девушки.

Длинные ресницы девушки дрогнули. Она медленно приоткрыла глаза и подняла голову. Взгляд серых глаз неторопливо прошелся по комнате и остановился на трех мужчинах, стоявших напротив нее. Взгляды мужчин были пристальными, но вовсе не сладострастными. Скорее, жалостливыми и непонимающими.

В глазах девушки появилось осмысленное выражение. Она вздрогнула и сжалась, прижимая к груди ноутбук.

Мужчины спокойно продолжали наблюдать за ней.

– Ну, чего вылупились? – хрипло спросила девушка.

Один из стоявших, молодой, выступил вперед, наклонился к ней и протянул руку. Снежана вжалась спиной в стену.

– Сергей, – представился тот. Его раскрытая ладонь застыла в полуметре от девушки.

– Сне... – девушка сглотнула застрявший в горле комок, – ...жана, – и осторожно, за пальцы, пожала протянутую руку. Затем тут же отдернула ее обратно.

– Снежана, – повторил мужчина, как бы смакуя имя, выпрямился и засунул руку в карман. – Красивое имя.

Снежана продолжала опасливо поглядывать на него.

– Это вот, – мужчина обернулся к своим товарищам и указал рукой на долговязого в трико, – Витольд.

Тот слегка склонил голову.

– А это – Георгий. Можно Жора.

– Не скажу, что мне приятно, – буркнула девушка, пальцами откинув с лица волосы.

– Разрешите полюбопытствовать, милейшая барышня, – продолжал Сергей, ничуть не смутившись, – а с чего мы сегодня такие грубые?

– А я, по-твоему, радоваться должна, когда меня похищают всякие там... – с вызовом бросила девушка. – И вообще, хватит на меня пялиться, я тебе не Венера Милосская в камне!

– Кто бы сомневался, – хмыкнул Витольд.

– Позволю себе заметить, барышня, – спокойно продолжал Сергей, – похищали вас не мы. К вашему сведению, мы такие же пленники, то есть похищенные. Так что давайте обойдемся без грубостей.

– А я еще не грубила, – огрызнулась Снежана. – И вообще, дали бы мне что-нибудь накинуть. Вон, хотя бы ты, балерон.

– Я не балерон! – взвился Витольд.

– Спокойно, Вить, – придержал товарища Сергей. – Девушка, я бы попросил вас не хамить.

– А чего, ему колготок жалко? – вскинулась Снежана. – У него ведь все равно там еще такие забавные стринги есть. Я в курсе.

– Ну, это уже... – яростно выдохнул Витольд, сжимая кулаки. – Это уже черт знает что! Я артист... – Он потряс в воздухе указательным пальцем.

– ...Больших и малых театров, – перебила девушка. –

Знаю.

Витольд начал багроветь. Не в силах произнести ни слова, он только беззвучно разевал рот, словно рыба, выброшенная на берег.

– А ты пятнистый, дубинку-то оставь. Неужели на бабу с дубинкой кинешься? Ой, какой большой, страшный дядька. Может, за косички еще подергаешь?

Жора рванулся было к девушке, но Сергей встал на его пути, расставив руки в стороны.

– Так, стоп! – гаркнул он. – Хватит! Все успокоились!

Жора, тяжело дыша, отступил назад, но продолжал сверлить яростным взглядом хамовитую особу.

– Неужели вы не видите. У девочки паника, а пустое бабальство – защитная реакция.

– И откуда же ты такой умник взялся? – вновь донеслось ехидное из-за его спины.

– Никогда не догадаешься. – Сергей вновь повернулся к девушке и криво усмехнулся. – Слушай, дорогуша, завяжи-вай хамить. Мы к тебе со всей душой...

– А я не просила... со всей душой, – буркнула Снежана. – Подумаешь, какой душевный нашелся.

Сергей проигнорировал новый выпад и обернулся к Жоре.

– Жор, дай ей курточку накинуть.

– Не дам, – сквозь зубы процедил пунцовый от злости Жора – того и гляди пар из ушей повалит. – Я ей лучше в лоб дам!

– Сильный, да? – шмыгнула носом Снежана. – А еще мужики называется. Беззащитную девушку...

– Беззащитные не хамят, а разговаривают, как люди, – доходчиво пояснил Сергей.

– Или вообще помалкивают, – вставил Витольд, сложив руки на груди.

– Справились, да? Трое на одну. – Снежана надула пухлые губки. – Зенки вылупили, разглядывают, слюни пускают и еще морали учат!

– Это уже мания величия какая-то, – от души расхохотался Сергей. – И все-то ее разглядывают, и все-то ее хотят.

– Да разве это величие? – влез Жора. – Видел я у одной велич...

Витольд ткнул его локтем в бок, и Жора прикусил язык.

– Ну так что, Снежана свет-бадьковна, будем по-человечески общаться или предпочитаешь находиться в гордом одиночестве? – продолжал Сергей.

Снежана закусила нижнюю губу, стрельнула глазками по порядку в каждого из мужчин и поникла плечами.

– Будем, – тихо сказала она.

– Что? – не расслышал Сергей, выставив левое ухо, и чуть склонил голову.

– Будем, я говорю, – опять вскинулась девушка, взмахнув руками. – Глухой, что ли? И нечего паясничать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.